

Алексей Ракитин

ВСЕ ГРЕХИ МИРА

Книга II

Алексей Ракитин

Все грехи мира. Книга II

«Издательские решения»

Ракитин А.

Все грехи мира. Книга II / А. Ракитин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530429-2

Вторая книга трилогии. В начале XX столетия в восточных штатах США прокатилась волна немотивированных жестоких убийств. Неизвестный преступник в ночное время проникал в дома и, используя топор, убивал всех жильцов. Сейчас эти преступления связываются с серийным убийцей, оставшимся неразоблаченным. Автор, анализируя известные преступления, пытается на основе современных криминологических представлений понять, действительно ли они совершались одним человеком, и если да, то что им двигало.

ISBN 978-5-00-530429-2

© Ракитин А.
© Издательские решения

Содержание

Часть III. Возвращение кошмара	6
4 марта 1908 г.	6
12 апреля 1908 г.	14
25 ноября 1908 г.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Все грехи мира

Книга II

Алексей Ракитин

© Алексей Ракитин, 2021

ISBN 978-5-0053-0429-2 (т. 2)

ISBN 978-5-0051-2188-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть III. Возвращение кошмара

4 марта 1908 г.

Супруги Харт, к сожалению, газеты сообщают нам только имя мужчины – Уоррен (Warren) – проживали в штате Джорджия в местечке под названием Фрейзер (Frazier). Это был полустанок, расположенный на железной дороге, расстояние от которого до ближайшего населенного пункта – городка Эмпайр (Empire) – составляло около 1,2 км. По переписи 2010 г. в Эмпайре проживали 393 человека, в начале XX века – примерно столько же. Места эти, находившиеся на территории округа Пуласки (Pulaski county), нельзя назвать совсем уж необжитыми или дикими, скорее, они просто малонаселенные. Ко времени описываемых событий супругам исполнилось 65 лет, у них были взрослые дети, проживавшие отдельно.

Кормились Харты плодами своих рук. Их фермерское хозяйство обеспечивало все потребности в продуктах питания и даже давало кое-какие излишки, которые можно было продавать в Эмпайре. Благодаря рачительному ведению дел, супруги нажили приличные деньги – более 1 тыс.\$, что по меркам тех мест являлось гарантией достойной старости. Деньги Уоррен держал в доме, поскольку всю свою жизнь не доверял банкам.

Это, пожалуй, всё, что можно сказать о завязке этой истории, она плохо задокументирована и скоро станет ясно почему.

Об убийстве Уоррена и его жены стало известно утром 4 марта 1908 г., в среду. Кто и как обнаружил тела неизвестно, по-видимому, это был какой-то их знакомый из Эмпайра. О гибели супругов немедленно оповестили как жителей Эмпайра, так и другого населенного пункта – Кокрэна (Cochrane), расположенного вдоль той же самой железной дороги Мэйкон – Брансвик, что и Эмпайр, только дальше от Фрейзера. В обоих населенных пунктах очень быстро стали собираться местные жители, число коих в конечном счёте достигло сотни человек или даже чуть более. Поскольку не все знали, как проехать от Эмпайра к Фрейзеру, местные мальчишки за толику малую принялись водить группы по лесным тропам. Благодаря их деятельному участию, ещё до появления во Фрейзере представителей службы окружного шерифа, там собралось множество весьма деятельных людей, жаждавших справедливости.

Карта восточных и южных штатов США с указанием места убийства супругов Харт 4 марта 1908 г. в местечке Фрейзер, штат Джорджия.

Тот, кто прочёл первую книгу «Всех грехов мира», уже имеет некоторое представление о том, что означает данное словосочетание в американских реалиях начала XX века. Во Фрейзере всё произошло в точности по описанным ранее лекалам.

Осмотр места происшествия, проведенный активными гражданами самостоятельно ещё до появления представителей шерифа и окружной прокуратуры, позволил установить, что Уоррен Харт в момент нападения находился в сарае на удалении около 15 метров от жилого дома и был одет в свою рабочую одежду. Как можно было заключить по следам крови на грунте, место обнаружения тела явилось и местом нападения. Мужчина был убит несколькими ударами топора по темени и затылку – на него напали либо сзади, либо сверху. В сарае хранилось сено, так что злоумышленник вполне мог прятаться на сеновале и спрыгнуть сверху. По общему мнению осматривавших труп, орудием убийства явился топор. Детали, связанные с характером травмирования потерпевшего, на этом исчерпываются, мы даже не знаем каким местом наносились удары – обухом или лезвием. Также нет полной ясности с количеством ран.

Внутри дома была найдена миссис Харт. Женщина оказалась тяжело ранена и всё ещё дышала! Ей оказали первую помощь прямо в доме, после чего была предпринята попытка перевезти женщину к её родственникам в Эмпайре. Из этого, однако, ничего не вышло и в тот же день – «ранним вечером», как сказано в газетах – миссис Харт скончалась. К сожалению, потерпевшая так и не пришла в сознание. Хотя информационное агентство «Ассошиэйтед пресс» на следующий день распространило информацию о том, будто женщина говорила, слова её, по-видимому, являлись бредом, поскольку никакого связанного рассказа от потерпевшей добиться не удалось.

Раненая женщина была найдена на пороге кухни, предплечья её рук оказались сильно изрезаны, что наводило на мысль о сопротивлении, оказанном нападавшему. Миссис Харт

была облачена в ночную рубашку, а на столе находилась нехитрая крестьянская снедь – эти детали косвенно указывали на время нападения (раннее утро).

Осмотр дома, проведенный сначала активными гражданами, а потом и помощниками шерифа округа Пуласки, наводил на мысль об обыске вещей четы. В частности, из комода кем-то были извлечены постельные принадлежности и поднята перина на кровати. Керосиновая лампа находилась на полу, и вряд ли её поставили туда хозяева. По-видимому, лампу опустил преступник, опасавшийся привлечь внимание слишком ярким светом в окнах. Казалось довольно очевидным, что напавший на пожилую чету осмотрел вещи и предметы обстановки с целью обнаружить ценные вещи и деньги. Таким образом, ограбление единодушно было признано основным мотивом двойного убийства.

Тем удивительнее оказалось обнаружение большой суммы наличных денег – более 1 тыс. \$. Насколько более, мы сегодня уже не узнаем, но нам достаточно того, что даже в первом приближении денежная сумма была признана очень значительной. То, что дом убитой пары был обыскан, но деньги остались на месте, представляется одной из главных загадок этой истории. Действительно ли убийца не нашёл деньги, или же нашёл, но не взял? А может быть, он их вообще и не искал? В последнем случае обыск являлся лишь имитацией, призванной создать видимость ограбления и тем самым замаскировать истинный мотив.

Почему убийца мог не взять наличные деньги, даже найдя их? Для этого есть вполне рациональное объяснение, хотя оно может показаться кому-то из наших современников неожиданным. В те времена у значительной части населения существовало правило переписывать номера банкнот. На случай их хищения. И чем более значительной представлялась денежная сумма в глазах её обладателя, тем выше была вероятность того, что он перепишет номера банковских билетов. Классический пример того, как срабатывала эта необычная традиция, мы можем видеть в т.н. «деле ребёнка Линдберга»¹. Напомним вкратце канву связанной с теми событиями интриги: за похищенного младенца был выплачен значительный денежный выкуп, полностью исчезнувший. По прошествии нескольких лет деньги были найдены в тайнике в помещении, принадлежавшем немецкому эмигранту Бруно Хауптманну.

То, что найденная сумма является выкупом за похищенного младенца удалось установить благодаря тому, что Чарльз Линдберг переписал номера всех «золотых сертификатов», переданных похитителям. Эта предусмотрительность привела Хауптманна на электрический стул.

Хотя найденные на месте совершения преступления деньги работали против версии убийства с целью ограбления, данное соображение мало повлияло на настроения самозванных общественных пинкертонеров. По-видимому, они сошлись на том, что грабители оказались слишком тупы для того, чтобы провести внимательный обыск... либо их что-то спугнуло. Как бы там ни было, версия ограбления осталась доминирующей и это оказало непосредственное влияние на последующий ход событий.

Ко второй половине дня 4 марта во Фрейзере появились охотничьи собаки, обученные идти по следу. Их привезли некоторые из активистов, рассчитывавшие организовать загонную охоту на живую двуногую дичь.

Мы не знаем деталей того, что последовало далее – известные ныне газеты не посчитали нужным рассказать о них читателям – но известно что приблизительно в 3-х милях [~4.8 км.] от дома Хартов группа инициативных граждан, шедшая с собаками по следу, наткнулась на двух чернокожих – некоего Карри Робертса (Curry Roberts) и Джона Генри (John Henry). Мужчин задержали, стали расспрашивать, что-то в их ответах насторожило предприимчивых граждан, которые взялись внимательно осматривать одежду чернокожих... На одежде оказа-

¹ Истории похищения и последующего убийства малолетнего сына известного американского лётчика Чарльза Линдберга, впервые в истории авиации совершившего беспосадочный перелёт через Атлантику, посвящен очерк Алексей Ракитина «Ребёнок Линдберга». Очерк этот размещён на авторском сайте «Загадочные преступления прошлого» и доступен для бесплатного прочтения в полном объёме.

лась кровь или нечто, принятое преследователями за кровь. По-видимому, на задержанных мужчин было оказано какое-то физическое воздействие, но об этом в газетах, разумеется, не сообщалось.

В общем, в какой-то момент Робертс дрогнул и дал признательные показания. По словам допрашивавших его людей, он довольно подробно рассказал о том, как на рассвете 4 марта вместе с Джоном Генри прокрался к домовладению Уоррена Харта и, дождавшись, когда старик выйдет из дома, чтобы покормить живность, бросился в сеной сарай. Там он ударом топора по затылку раскроил череп фермера, после чего парочка устремилась в дом. По словам негра, женщина возилась на кухне. Она оказала сопротивление, убить её одним ударом не получилось. Она несколько раз уклонялась от ударов топором и подставляла руки, в результате чего на её предплечьях остались ранения, причиненные лезвием топора. В конце концов Робертс и Генри одолели пожилую женщину и бросились обыскивать дом в поисках ценных вещей и денег.

Они отыскивали кое-какую мелочь – монеты и несколько банкнот – а также поживились снедью, обнаруженной на кухне. Опасаясь покидать дом в светлое время, они поспешили уйти до восхода Солнца.

В целом, рассказ Робертса хорошо соответствовал той информации, что к тому времени уже была известна. Загвоздка кроется лишь в том, что на самом деле непонятно, что именно и как говорил задержанный. Согласитесь, одно дело, когда человек говорит «я открыл тумбочку в прихожей и взял найденные там мелкие деньги, центов 30 или 40» и совсем другое, когда его бьют по голове и требуют «признавайся, ты ведь осматривал прихожую и взял деньги из тумбочки!», после чего допрашиваемый кивает и соглашается «да, именно так всё и было». Это два очень разных рассказа, хотя формально они об одном и том же и даже имеют сходство по содержанию...

Что последовало далее?

Толпа предприимчивых граждан не стала линчевать чернокожих прямо на месте их задержания, а повела их в город Хоукинсвилль (Hawkinsville), административный центр округа Пуласки. Хоукинсвилль располагался приблизительно в 15 км западнее Эмпайра, так что непримиримые граждане в тот день накрутили со своими пленниками немалый километраж. Правда, в отличие от негров, непримиримые граждане двигались на лошадях, а чернокожим пришлось бежать бегом, но эти пустяки мало кого интересовали.

В Хоукинсвилле толпа передала Робертса и Генри службе окружного шерифа, разумеется, с объяснением причин их задержания. Мужчины провели ночь в камере, оборудованной в помещениях службы окружного шерифа. Сама эта служба помещалась в здании окружной суда, сохранившегося до настоящего времени с минимальными изменениями.

Ничего неизвестно о том, разговаривали ли с ними представители шерифа и если да, то какие ответы получали. Скорее всего, узники и сторожа не сидели друг напротив друга истуканами и о чём-то беседовали, но никаких свидетельств тому не сохранилось.

Ночь с 4 на 5 марта прошла спокойно и потому утренние события могли показаться неожиданными. Либо, наоборот, вполне ожидаемыми и хорошо подготовленными. На протяжении всей ночи на окраине Хоукинсвилля собирались вооруженные люди, съезжавшиеся в город со всего округа и даже весьма отдаленных районов штата. Многие из них были на лошадях, все имели оружие и маски, либо капюшоны, которые можно было использовать в качестве масок. По оценкам свидетелей тех событий, число собравшихся превысило 1 тыс. человек. Учитывая что население округа тогда едва достигало 20 тыс. человек, несложно понять, что подобное скопление являлось весьма и весьма многолюдным. Утром 5 марта толпа двинулась в направлении офиса службы шерифа.

Большая группа людей в масках вошла в принадлежавшие последней помещения и потребовала выдать обоих чернокожих мужчин. Правоохранители не стали сопротивляться ввиду

огромного диспаритета сил – их было 6 человек и никто из этих людей не желал рисковать своей головой за каких-то там кровожадных негров.

Робертс и Генри были без лишних проволочек отданы в руки равнодушных и инициативных граждан, которые вывели чернокожих из здания и повели прочь. Во время движения был проведён допрос, во время которого Робертс повторил сделанные ранее признания. Что говорил и говорил ли вообще второй чернокожий, нам неизвестно. На некотором удалении от здания окружного суда толпа остановилась, верёвки были переброшены через ветви дерева, росшего у дороги, и подозреваемые были повешены без долгих проволочек. В некоторых газетных заметках сообщалось о том, что линчевание произошло за городом, но точное место этого преступления неизвестно, можно лишь заключить, что убийство произошло довольно быстро с момента ухода от здания суда. Стало быть, далеко уйти линчеватели не могли.

Здание суда округа Пуласки в городке Хоукинсвилль (современная фотография). Вход в помещения службы окружного шерифа находится по левой стороне, там в начале XX столетия были устроены камеры для содержания временно задержанных лиц. Именно здесь провели последнюю ночь Карри Робертс и Джон Генри, подозреваемые в убийстве супругов Харт.

После того, как мужчины скончались, их тела сняли и быстро расчленили. Далее был сложен большой костёр и части тел Робертса и Генри брошены в огонь. Считается, что все они полностью сгорели, хотя из курса криминалистики мы знаем, что полностью сжечь человеческие тела в костре невозможно (открытое пламя имеет слишком низкую температуру и неспособно уничтожить крупные кости, да и уничтожение плоти требует долгого времени). Тем не менее, формально считается, что тела подозреваемых были полностью уничтожены огнём. Их могил не существует.

Всё это произошло в утренние часы 5 марта и газеты, датированные этим днём разнесли новость по всем долам и весям США. Газета «Hattiesburg daily news» в номере от 5 марта 1908 г охарактеризовала действия линчевателей следующим образом: «Толпа была упорядочена и её

действия демонстрировали тщательную организацию» (дословно: «The mob was orderly and went about its work in a manner that showed thorough organization.»). Случившееся следовало признать совершенно возмутительным, причём независимо от того, были ли Робертс и Генри виновны. Бездеятельность органов власти заставляет подозревать непосредственное участие её представителей в организации и проведении расправы.

Однако эта история, во всех смыслах бесчеловечная и недопустимая, не вызвала никакого общественного отклика. Не в последнюю очередь это произошло потому, что трагические события в Хоукинсвилле совпали с другой страшной трагедией – пожаром в школе в городке Коллингвуд (Collingwood), в штате Огайо (Ohio), в результате которого погибли 172 человек, преимущественно дети. Этой истории посвящена довольно обстоятельная статья в «Википедии», если кто не слышал о пожаре в Коллингвуде, то может почитать – там много непонятного и невыясненного в ходе расследования. Пожар в школе произошёл 4 марта и в последующие дни американские газеты освещали преимущественно это событие. Весьма подробные репортажи рассказывали об открытии временного морга, процедуре опознания останков погибших и т. п. деталях, а потому не должно удивлять то, что расправа над двумя подозрительными чернокожими в Хоукинсвилле затерялась в потоке сообщений из Коллингвуда.

Американские газеты весьма сдержанно прокомментировали убийство Хартов и скорую расправу над подозреваемыми. Небольшие заметки на эту тему буквально потонули в огромных репортажах о пожаре в Коллингвуде и особого интереса читателей, по-видимому, не вызвали.

История гибели четы Харт и последующей расправы над Карри Робертсом и Джоном Генри выглядит очень странной. Обращают на себя внимание некоторые детали, которые мы вряд ли сможем объяснить сегодня, но которые следует обязательно упомянуть.

О чём идёт речь?

Нельзя не отметить того, что обстановка на месте преступления весьма напоминала ту, что мы видели на месте убийства семьи Аллен 12 мая 1901 г. в районе Спектакл-пондс (о той истории было написано в книге I «Всех грехов мира»). Мужчина, самый опасный противник злоумышленника, убит в сарае рядом с домом, т.е. его либо выманили из дома, либо дождались, когда он сам его покинет.

Одна из двух жертв осталась жива и прожила после ранения довольно долго – примерно 12 часов или около того. Это весьма нехарактерно для убийцы-«дестройера», для которого

апофеозом нападения является именно процесс умерщвления, а отнюдь не завладение имуществом или удовлетворения похоти. То, что убийца или убийцы бросились переворачивать перину и копать в тумбочке, не удостоверившись в смерти миссис Харт, является по мнению автора, очень веским доводом в пользу того, что данное преступление не связано с той серией убийств, которой посвящена эта книга.

Не может не удивлять – по крайней мере, на первый взгляд – уверенность линчевателей в том, что захваченные в 3-х милях (~5 км.) от места преступления чернокожие мужчины являются искомыми преступниками. По нынешним представлениям американских конспирологов расправа над Робертсом и Генри – суть ошибка. Такое суждение вполне в тренде современной американской политики толерантности, противостоять которой не может никто. Она провозглашает негров всегда невиновными и непременно возлагает вину на белых. Но подобная предвзятость мало соотносится с истинным положением дел и криминальной статистикой, из которой мы знаем, что львиную долю насильственных преступлений в США совершали в начале XX столетия именно чернокожие. Главная проблема рассматриваемого нами случая кроется в его плохой задокументированности. Мы не знаем в деталях, на чём основывалась уверенность линчевателей в собственной правоте.

Одно дело, если такую уверенность питало лишь сознание одного из двух подозреваемых негров – в этом случае мы можем оправданно сомневаться в их виновности. Понятно, что пытками можно добиться практически любых признаний. А если на поводке свора лютых охотничьих собак, то даже и пытать особо не надо – достаточно спустить пару-тройку гончих и позволить им немного порвать жертву... Очень немногие вынесут такое испытание! Сейчас считается, что именно так и было получено признание Робертса. Однако в этом можно усомниться, ведь задержавшая чернокожих группа белых мужчин не стала устраивать над ними самосуда, а руководствуясь буквой и духом Закона, передала задержанных людям шерифа. И не просто передала, но на протяжении многих километров сопровождала задержанных до здания службы шерифа, готовая защитить от возможного самосуда других инициативных граждан, которые вполне могли оказаться на пути группы. То есть люди, задержавшие Робинса и Генри, действовали вполне адекватно и продемонстрировали искреннее желание того, чтобы Закон сказал своё слово.

Согласитесь, такое поведение как-то не очень вяжется с приписываемой этим людям кровожадностью. Если бы они на самом деле являлись такими «беспредельщиками», каковыми их считают сейчас американцы, то они бы расправились над неграми не сходя с места, без изнурительных заездов по пересеченной местности.

Нельзя исключать того, что преследователи, принимая решение о виновности Робертса и Генри, руководствовались какими-то весомыми и вполне очевидными данными. Например, словами миссис Харт о нападении чернокожих, если таковые слова, разумеется, были произнесены тяжело раненой женщиной. Мы знаем, что миссис Харт что-то говорила, хотя, возможно, произнесенное ею не являлось связным рассказом. Но для того, чтобы сделать кое-какие выводы вовсе и не нужен развёрнутый рассказ. Вполне возможно, что миссис Харт в односложных выражениях сообщила важную информацию, ориентировавшую линчевателей (скажем, произнесла «двое негров», «негр с топором» или нечто подобное т.п.) Убедительным доводом в пользу виновности задержанных могли стать подозрительные следы крови на одежде. Да, можно объяснить маленькие капли крови на груди кровоточением из носа, а если пятно крови размером с кулак и расположено оно на плече? В кармане кого-то из задержанных мог оказаться какой-то узнаваемый предмет, принадлежавший убитым и опознанный кем-то, кто хорошо их знал. Побудить к сознанию в содеянном могло отнюдь не насилие или запугивание, а какая-либо психологическая уловка, например, чернокожим мужчинам могли сказать, что миссис Харт выжила и опознает их. В этом случае на снисхождение суда можно

было рассчитывать лишь продемонстрировав искреннее раскаяние, что один из задержанных и попытался изобразить.

Мы ничего определенного не можем сказать на сей счёт, но именно поэтому при оценке данного случая нельзя занимать какую-то определенную точку зрения. Остаётся лишь сожалеть о том, что бессудная расправа, совершенная линчевателями без надлежащего судебного следствия, сделала невозможным выяснение и уточнение деталей имевшей место трагедии.

И тут, конечно же, кто-то из читателей может спросить: для чего вообще убийству четы Харт уделено столько внимания? Если эта история настолько мутная, то почему она здесь и почему автор тратит на её изложение время?

Да потому, что с июля 1906 г., когда были убиты члены семьи Лайерли, и вплоть до начала марта 1908 г., когда была убита чета Харт, в Северной Америке не фиксировались преступления, в которых в качестве орудия убийства использовался бы топор. На протяжении этих почти 19 месяцев в США и Канаде от рук злоумышленников погибли тысячи людей. Их убивали с использованием огнестрельного оружия, холодного, кого-то вешали или душили, кого-то выбрасывали из окна или топили, но никого не били топором по голове!

И вот в 4 марта 1908 г. эта пауза закончилась.

12 апреля 1908 г.

В высшей степени трагическая и одновременно необычная история произошла в Техасе спустя 5 недель после описанной выше.

Небольшой городок Уотога (Watauga) в округе Тэррэнт (Tarrant county) самым фактом своего появления в 1883 г. был обязан железной дороге. Поселение создавалось на месте пересечения двух важных для штата Техас железных дорог – «Пасифик» и «Тексас». Чуть позже к ним добавилась третья важная железнодорожная магистраль, т. н. КАТУ, связавшая Техас со штатами Миссури и Канзас. Однако несмотря на наличие нескольких крупных железнодорожных магистралей, развитие городка сдерживалось объективными факторами – жарким, неблагоприятным климатом и отсутствием воды, что обуславливало сложность ведения сельского хозяйства и делало жизнь поселенцев крайне некомфортной. На протяжении многих десятилетий численность населения Уотоги ограничивалась сотней человек (даже в 1935 г. число жителей составляло всего 65 чел.). Практически всё взрослое население городка работало либо на железнодорожной станции, либо на почте.

Это такой бэкграунд, на фоне которого развернулись воистину пугающие события.

Мэттью Геррелл (M. F. Gerrell) являлся, пожалуй, одним из самых обеспеченных жителей Уотоги. Ко времени описываемых событий ему исполнилось уже 38 лет, он родился в Миссури, получил высшее образование и работал инженером в штате упомянутой выше железной дороги КАТУ. В Уотоге он появился в 1906 г., в этот городок он был откомандирован руководством компании и жил в одном из лучших домов, расположенном в самом центре населенного пункта, разумеется, если уместно говорить о центре посёлка с населением менее 100 человек. Мэттью проживал вместе с женой Дорой и тремя детьми – двумя старшими мальчиками и младшей девочкой – имена их неизвестны.

Карта восточных и южных штатов США с указанием мест совершения «семейных убийств» с использованием топора в начале XX века. Цифрами обозначены: 1 – место убий-

ства супругов Харт 4 марта 1908 г. в местечке Фрейзер, штат Джорджия; 2 – место убийства 12 апреля 1908 г. семьи Геррелл в г. Уотога, штат Техас. Расстояние между местами совершения преступлений составляет около 1400 км.

Воскресный вечер 12 апреля члены семьи Геррелл провели вместе и в обычное для себя время разошлась по комнатам спать – произошло это около половины девятого. По прошествии 3-х часов, незадолго до полуночи, мальчики, спавшие в отдельной комнате, были разбужены странными звуками, доносившимися из спальни родителей. Там явно происходило нечто необычное и пугающее – кто-то всхлипывал, вскрикивал, топал ногами, раздавалось какое-то бурчание, никогда не слыханное мальчиками ранее. Звуки были приглушены двумя дверями и коридором, разделявшим комнаты, но казалось, что в спальне родителей толпятся люди и это было очень странно!

Мальчики поднялись с кровати и отправились на разведку. Миновав коридор, они без стука распахнули дверь в спальню родителей и эта мелочь, вполне возможно, спасла им жизни. Увиденная мальчиками картина, должно быть, запечатлелась в памяти каждого из них до конца жизни. В комнате находились двое неизвестных мужчин с дубинками или палками в руках, эти люди избивали лежащих в кровати отца и мать. В спальне также находилась кровать маленькой сестрёнки, но где она сама понять было невозможно из-за темноты. Мистер Геррелл пытался подняться, дети увидели его движение и то, как скользнул на пол край одеяла.

Следует отдать должное мальчикам – они моментально сориентировались и бросились бежать, причём побежали в разные стороны. Старший из детей, 11-летний, бросился в конец коридора и далее помчался к входным дверям, которые благополучно открыл и выбежал на улицу. Второй мальчик, 8 лет, забежал обратно в детскую спальню, из которой вышел несколькими секундами ранее, открыл окно и через него выскочил на задний двор.

Гнался ли кто-то за ними, мы не знаем – этого, вполне возможно, не знали и сами дети. Их появление в спальне родителей оказалось неожиданным для злоумышленников, которые, по всей видимости, даже не сразу их заметили. Мальчики выиграли несколько секунд, благодаря чему их преследование в глазах преступников сделалось бессмысленным, ибо беззвучно убить на улице двух кричащих детей не представлялось возможным.

Итак, мальчики выскочили из дома и их бегство положило конец нападению. Преступники были вынуждены бежать – об этом мы можем судить вполне определенно, поскольку в доме Герреллов через считанные минуты появились люди. Старший из мальчиков прибежал к дому коллеги отца по работе в компании КАТУ и криком разбудил его. Мужчина, вооружившись двумя револьверами, вместе с взрослым сыном направился в дом Герреллов, в это время его жена принялась будить других соседей. Будила она их самым что ни на есть прозаическим способом – стрельбой из ружья в воздух. В считанные минуты оказался разбужен весь посёлок, поднялась суматоха.

Для нас сейчас важно отметить эту деталь – жители Уотоги были разбужены практически в ту же минуту, когда преступники покинули место нападения. Это означает, что у последних просто не было времени привести себя в порядок (смыть кровь с лица и рук, переменить одежду, спрятать одежду, запачканную кровью и т.п.). Преступники оказались вынуждены уносить ноги и делать это максимально быстро, если бы их задержали по горячим следам, то с большой вероятностью до рассвета они бы просто не дожили.

Мэтт и Дора Геррелл находились без сознания, их 3-летняя дочь была мертва. В первых сообщениях, переданных в редакции газет, супруги фигурируют в качестве раненых, однако вечером 13 апреля они скончались. Таким образом, в Уотоге в ночь на 13 апреля 1908 г. произошло тройное убийство.

Причиной смерти всех 3-х членов семьи Геррелл явились однотипные черепно-мозговые травмы, то есть рассказ выживших детей об избииении лежавших людей палками (дуби-

нами) полностью соответствовал клинической картине, зафиксированной при судебно-медицинском осмотре трупов. Журналист газеты «The Washington times» в своей вечерней заметке, датированной 13 апреля 1908 г. описал трупы, которые видел собственными глазами, так: «Их тела оказались сплошь покрыты синяками и головы убитых были так ужасно обезображены, что черты невозможно было узнать» (дословно на языке оригинала: «Their bodies were a mass of bruises and their heads were so horribly beaten their features were almost unrecognizable»).

Из дома не пропало ничего ценного, что можно легко объяснить – преступление не было доведено до конца, появление детей спутало убийцам карты. Не вызывает сомнений, что убийство было очень кровавым и комнату, явившуюся местом преступления, должны были покрывать многочисленные брызги крови. Кровь жертв обязательно должна была попасть на одежду убийц и открытые части их тел – это первое важное соображение, которое следовало принять во внимание тем, кому предстояло заняться поиском преступников. Другое было связано с отсутствием орудий убийства – тщательный обыск дома Геррелла и придомовой территории показал, что преступники унесли дубинки с собою. Можно строить различные догадки относительно того, почему они так поступили, но наиболее очевидным представляется нежелание оставлять на месте преступления предметы, несущие их запаховые следы. Мы уже видели (и не один раз!) как преследователи прибегали к помощи собак-ищеек – такая практика была в те времена широко распространена в Соединенных Штатах, хотя и не всегда она давала желаемый эффект. Тем не менее, опытные преступники должны были понимать, что брошенные на месте убийства предметы могут сыграть в их судьбе фатальную роль, так что их предусмотрительность в этом вопросе не должна удивлять.

Другим свидетельством криминальной опытности нападавших явился способ проникновения в дом. Они сумели открыть окно, расположенное довольно высоко – подоконник находился на высоте 2,7 м. (9 футов). Злоумышленники лестницей не пользовались – её попросту не было ни во дворе, ни на территории прилегающих домовладений – один из них, по видимому, сел на плечи другому и тот поднял его на нужную высоту. Ночь была лунной – растущая Луна с величиной диска почти 72% от максимального – а небо малооблачным, так что освещенность была вполне достаточной для манипуляций с окном. Один из злоумышленников поддел поднимавшуюся раму каким-то узким и длинным металлическим предметом – но не лезвием ножа! – из-за чего на дереве остался вдавленный след. Подняв раму в верхнее положение и проникнув в комнату, первый злоумышленник втянул следом второго – на стене под окном остались следы обуви, исключавшие сомнения в их происхождении.

Вряд ли открывание окна заняло много времени – злоумышленники не могли не понимать, что лунной ночью они хорошо заметны на фоне белой стены дома, а потому просто не могли позволить себе долгую возню с рамой. При этом они умудрились проделать все свои манипуляции довольно тихо и слаженно. Не было никаких сомнений в том, что подобный фокус они проворачивали не в первый раз.

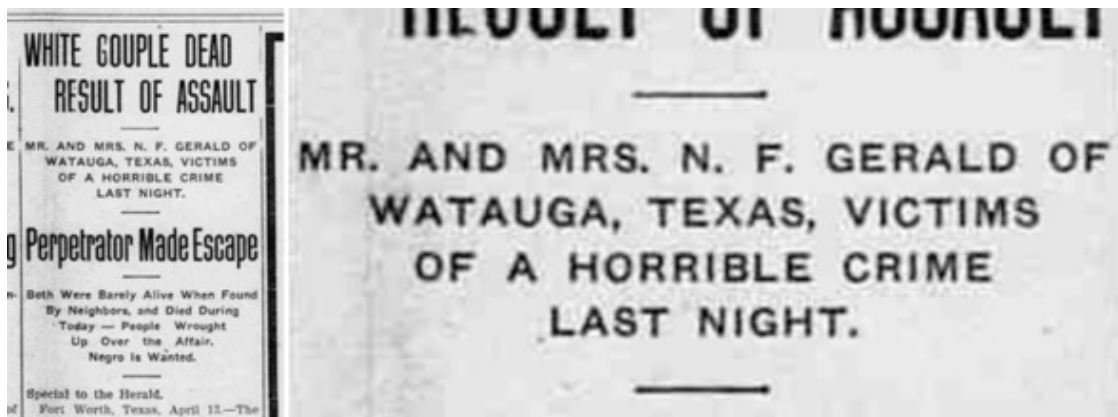
Преступники очевидно не являлись местными жителями, в противном случае дети с большой вероятностью их опознали бы. Старшему, напомним, исполнилось уже 11 лет – в таком возрасте ребёнок может давать вполне здравые и ценные свидетельские показания. Второй мальчик был помладше – ему исполнилось 8 лет – но и он являлся ценным свидетелем. Население городка было совсем невелико, выжившие дети наверняка знали всех его жителей не только в лицо, но и по именам.

Но если преступники являлись «птицами» залётными, то как они могли выбрать жертву? Очевидно, их привлёк хороший дом, один из лучших в посёлке. Возможно, они видели Мэтта Геррелла в хорошей одежде из дорогой ткани, с золотой цепью от часов, висевшей поперёк живота. По одному его виду было ясно, что это не чернорабочий! То, что преступники оказались не готовы к появлению старших детей, указывало на плохую предварительную подготовку

посягательства. Нельзя исключать того, что убийцы вообще не имели понятия о том, насколько велика семья, намеченная в жертву.

Дети уверенно заявили, что нападавшие не являлись белыми. В одной из газетных публикаций со ссылкой на старших детей сообщалось, что убийцы были чернокожими. Сложно сказать, насколько точно журналист передал услышанную информацию, поскольку эта статья полна вопиющих несообразностей, перевраны даже фамилии убитых. В других публикациях говорилось о том, что по мнению выживших мальчиков, преступники являлись мексиканцами.

Национальная или расовая принадлежность убийц являлась, конечно же, моментом очень тонким и важным. Что могли реально видеть дети и на чём основано их заявление – если только они на самом деле говорили нечто подобное! – о том, что преступники являлись «цветными»? Представим на секундочку картину: время около полуночи, ночи в середине марта длинные и тёмные, хотя конкретно именно эта была лунной, окна должны были быть закрыты шторами, чтобы свет с улицы не мешал засыпать маленькой девочке, которая оставалась на ночь в спальне родителей. Да и взрослым родителям логично укладываться спать с занавешенными окнами. Мы не знаем, имелся в комнате источник слабого света, скажем, зажжённая свеча, такой «ночник» иногда оставляют в тех случаях, когда родителям приходится вставать посреди ночи к ребёнку.

Красноречивый образчик журналистской работы 1908 г.: в статье, посвященной убийству в Уотге, неправильно указаны имя и фамилия главы семейства (N. F. Gerald вместо M. F. Gerrell). В этой же статье написано о том, что убийцы являлись неграми, хотя в сообщениях других газет сообщалось о мексиканцах.

Возможно, какой-то свет мог падать через дверной проём после того, как мальчики открыли дверь из коридора в спальню. Какой-то источник света могли иметь преступники – в США в 1908 г. уже продавались электрические ручные фонари (их цена начиналась от 4\$ за штуку) – хотя на сей счёт дети ничего не говорили. Если только в комнате не было «ночника» и преступники не принесли с собой какой-то источник света, то получается, что на месте преступления должно было быть довольно темно. И если это было действительно так, то как дети могли понять, что преступники не принадлежат к белой расе или являются мексиканцами?

Часто информацию о расово-этнической принадлежности несёт речь. Американские негры, кстати, очень обижаются, когда слышат выражения вроде «он говорил, как чернокожий», за высказывания такого рода в американских судах объявляют замечания. Считается, что навык устной речи является продуктом воспитания и не имеет специфических признаков, обусловленных расово-этнической принадлежностью говорящего. Факт, однако, остаётся фактом – речь подавляющей части негров не похожа на речь подавляющей части белых. Чтобы убедиться в этом, достаточно послушать теле- или радиотрансляцию; в большинстве случаев даже слушатель, не знающий языка, сможет определить расовую принадлежность говорящего

без особых затруднений. Поэтому, в принципе, можно было бы ожидать, что дети сделали какой-то вывод о национальности преступников, основываясь на их речи.

Однако, нам ничего неизвестно о том, что убийцы говорили. Они старались не шуметь и действовали молча!

Поэтому вопрос о расово-этнической принадлежности неизвестных убийц следует считать открытым. Мы должны признать, что с большой долей вероятности дети вообще ничего не сказали ни о «неграх», ни о «мексиканцах».

Но откуда же тогда появилась всеобщая уверенность в том, что чету Геррелл и их дочь убили именно мексиканцы? Перед нами, по-видимому, устойчивый стереотип общественного сознания, весьма характерный для США начала XX века. Национализм в те годы был очень силен и в рамках националистической идеологии всегда «чужаки», в отличие от «своих», считались носителями главной угрозы. Например, среди итальянских эмигрантов активно действовала мафия, которую они привезли с собою на Американский континент из Сицилии, но мафия не считалась какой-то серьёзной проблемой – о её существовании мало кто знал вплоть до середины века. И даже Гувер, глава ФБР, в 1950-х гг. во всеуслышание заявлял, что никакой итальянской организованной преступности не существует – это всё выдумки журналистов. Итальянской преступности в начале века никто особенно не боялся, как не боялись еврейской или ирландской, хотя таковые организованные преступные группировки и существовали! Зато американцы очень боялись китайской мафии. Да-да, вы не ослышались! В последней четверти XIX столетия в Калифорнию на строительство железных дорог десятками тысяч завозились китайские рабочие и в массовом сознании они воспринимались как очень опасные люди. В США той поры циркулировали мифы о том, как китайские преступные группировки «триады» ведут охоту на белых девушек и женщин, похищают их и продают в китайские бордели. Китайским уголовникам вообще приписывали самые невероятные вещи, сейчас эти городские легенды про китайцев давно уже позабыты и потому о них особенно любопытно читать. Перед нами очень интересная аберрация сознания – итальянскую мафию, как впрочем, и еврейскую, и ирландскую, никто из обывателей всерьёз не воспринимал, но вот китайские «триады» наводили ужас. Хотя китайские уголовники традиционно избегали конфликтов с белым населением и промышляли в основном «окучиванием» – извините автора за этот эвфемизм! – своих же собратьев.

Несложно понять, почему так происходило – итальянцы, евреи и ирландцы воспринимались в общественном сознании как «свои», т.е. представители белой расы, понятные и предсказуемые. А вот китайцы казались почти инопланетянами – они змей и тараканов едят, девушек похищают и насилюют без перерыва... Очень страшные люди, настоящие чудовища о двух ногах!

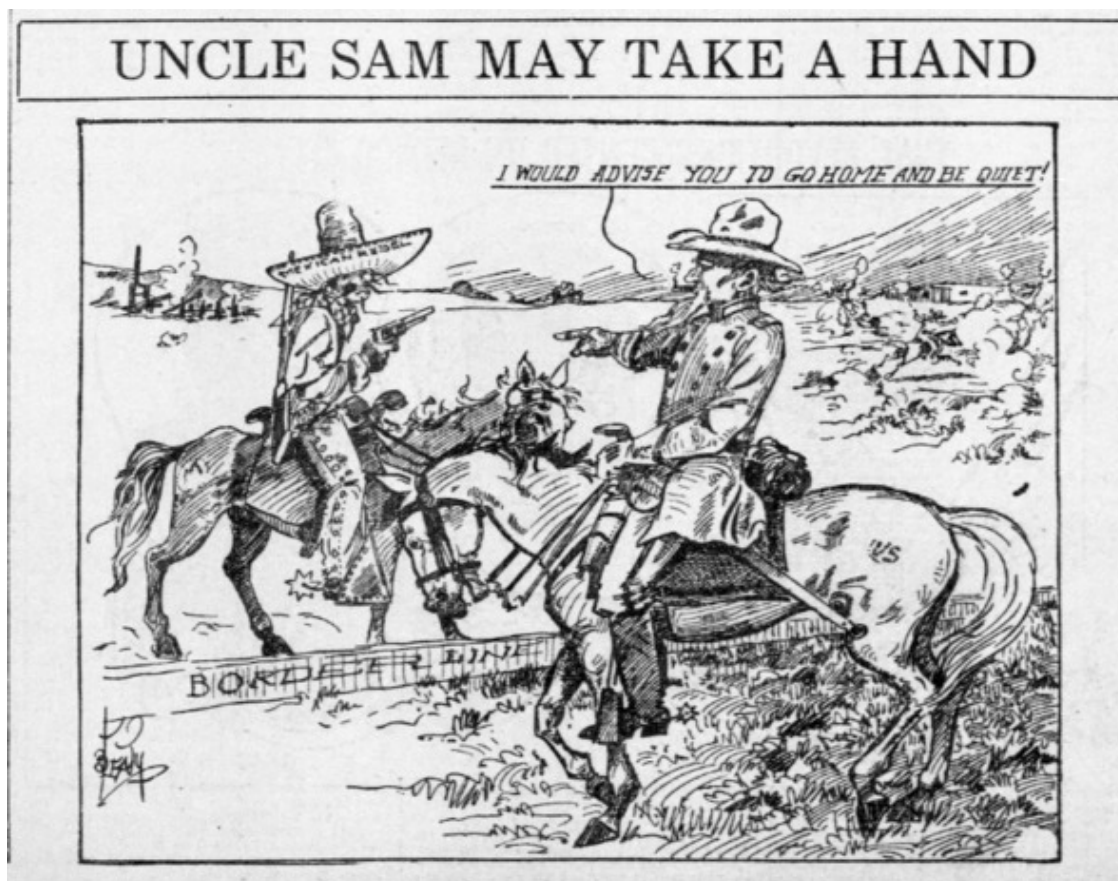
В Техасе в начале XX века китайцы в заметном количестве не проживали, поэтому их никто особенно и не боялся. И негров там тоже практически не было, если они и попадались где-то, то сугубо в гомеопатических пропорциях к общему числу жителей. А вот мексиканцев было много. Ведь Техас до середины XIX века являлся мексиканской территорией.

И потому в глазах «белых» американцев мексиканцы являлись если не исчадием ада, то чем-то весьма близким к этому понятию. То есть упоминание мексиканцев в контексте убийства Герреллов могло быть чем-то очевидным для всех, чем-то таким, что признавалось всеми по умолчанию.

Мы не можем сейчас знать, действительно ли выжившие дети говорили о мексиканцах или же эти слова им приписали соседи и люди шерифа, но факт остаётся фактом – с самого начала расследования правоохранительные органы приняли «мексиканский след» в качестве аксиомы, не требующей доказательства. Оставалось понять, что это были за мексиканцы и откуда они появились в Уоттоге?

Основным направлением розыска стал досмотр поездов, прошедших через Уотогу в ночь на 13 апреля. Считалось, что на одном из них преступники покинули город. Искали двух мексиканцев и, разумеется, находили, поскольку мексиканцев в Техасе было много. В течение нескольких дней после убийства членов семьи Геррелл на территориях соседних округов были задержаны не менее 10 пар подозрительных мексиканцев. Все эти люди были допрошены самым пристрастным образом и в конечном итоге всех пришлось освободить, поскольку каждый из задержанных сумел доказать собственное alibi. Скажем прямо, всем этим людям очень повезло.

Очень скоро след этот остыл и данное направление расследования себя исчерпало. Но имелось другое...

Карикатура из американской газеты 1912 года. Дядя Сэм в форме американского кавалериста встречается у пограничной линии со злонамеренным мексиканцем, собравшимся эту самую линию пересечь, и заявляет ему: «Я бы тебе посоветовал убраться домой и помалкивать!»

На территории округа Тэррент и расположенного западнее округа Паркер в начале 1908 г. действовала большая бандитская группа, состоявшая из мексиканцев. Преступники промышляли угоном скота, который продавали на забой владельцам различных колбасных цехов, торговцам мясом и просто фермерам, склонным не замечать чужие клейма на боках покупаемых животных. Молва приписывала банде прямо-таки фантастическую везучесть и дерзость, её численный состав определялся в 35 человек! Прямо скажем, подобная численность кажется сильно завышенной, 35 человек – это огромная толпа, с которой можно не только стада угонять, но государственные перевороты в небольших странах устраивать.

Именно этих бандитов и заподозрили в причастности к ночному вторжению в дом инженера Геррелла. Автор должен признаться, что так и не понял на чём же именно основывалась

всеобщая уверенность в том, что угонщики скота забили насмерть палками железнодорожного инженера, его жену и маленькую дочь. Криминальная специализация убийц и похитителей сельскохозяйственных животных очень сильно различается; если первые действуют в одиночку или с минимальным привлечением поддержки, то последние нуждаются в многочисленных наводчиках и скупщиках краденого. Да и сам угон стада требует согласованных действий группы людей на лошадях и с оружием. Совершенно непонятно, что могло побудить мексиканских бандитов отложить в сторону свои «винчестеры» и «смит-энд-вессоны» и отправиться ночью бить палками мирно спящих граждан. Для чего опытному преступнику влезать в зажиточный дом, рискуя получить от хозяина пулю между глаз, если поутру этот хозяин сам выйдет из дома, где его можно спокойно подкараулить?

В общем, бессмыслица какая-то с этой бандой получается, но тexasские правоохранители в апреле 1908 г. придерживались иной точки зрения. На поиски мексиканцев были брошены большие силы и довольно быстро данная группировка оказалась рассеяна. Никаких задержаний, способных пролить свет на случившееся в доме Герреллов, не производилось и можно сказать, что расследование на этом закончилось.

Хотя через 2,5 года произошли довольно примечательные события, которые метафорически можно назвать финальным аккордом этой истории. 2 ноября 1910 г. на ферме неподалёку от тexasского города Рок Спрингс (Rock Springs) произошло отвратительное преступление. Некто в дневное время проник в дом, изнасиловал и выстрелом из револьвера убил хозяйку, после чего совершил хищение наличных денег, хранившихся в металлической банке на кухне.

Преступление обнаружил Лем Хендерсон (Lem Henderson), муж убитой, вернувшийся домой около 5 часов вечера. О случившемся он немедленно оповестил соседей, в течение пары часов собрался конный отряд в дюжину человек с несколькими собаками-ищейками. Собакам дали понюхать полотенце, которым убийца вытирал руки и половой орган – это был прекрасный запаховый эталон – и ищейки уверенно пошли по следу. Оказалось, что убийца держал путь в сторону мексиканской границы и двигался на лошади. После 4-часового преследования собаки вывели преследователей к небольшому костру, разведенному в укромной расщелине между скал.

У костра сидел мужчина средних лет, назвавшийся Антонио Родригесом (Antonio Rodrigues), гражданином Мексики, направлявшимся на родину. Что последовало далее, мы можем только гадать, поскольку никто никогда не делился деталями состоявшейся беседы, но в конечном итоге Родригес признался в убийстве миссис Хендерсон и сообщил кое-какие детали, никому в тот момент неизвестные. Он рассказал о том, что являлся членом той самой мексиканской банды, что ранее воровала скот в округах Тэррэнт и Палмер, но оттуда её вытеснили и группа перебазировалась к югу (город Рок Спрингс расположен примерно в 450 км. юго-западнее Уотоги). К ноябрю 1910 г. банда фактически распалась, члены группировки разошлись кто куда и воссоединяться в будущем не намеревались. Родригес признался, что заочно знал Лема Хендерсона, поскольку ранее преступники воровали у него скот и вели наблюдение за фермером.

В день убийства мексиканец оказался возле дома Хендерсона случайно, но увидев на веранде жену фермера, решил её изнасиловать. Он вежливо заговорил с женщиной и дал понять, что знаком с её мужем, по-видимому, эта уловка подействовала на миссис Хендерсон успокаивающе. Родригес попросил воды и под этим предлогом вошёл в дом. Там он напал на женщину, изнасиловал её и застрелил, а найденные на кухне деньги забрал.

Поймавшие Родригеса тexasцы доставили его в офис службы окружного шерифа, а дальше... Вот тут самые проницательные читатели без особых затруднений продолжат повествование. Около часа ночи 3 ноября к офису шерифа приехала группа людей на лошадях с ружьями и пистолетами в руках. Их лица скрывали маски. Люди вошли в помещение

службы шерифа, потребовали у дежурного выдать Антонио Родригеса и, заполучив мексиканца, отбыли восвояси.

На окраине Рок Спрингса люди в масках привязали мексиканца к стволу огромного вяза, обложили его тряпьем, пропитанным бензином, и подожгли. Родригес громко кричал, но быстро потерял сознание – это обстоятельство вызвало некоторое разочарование участников расправы, ожидавших более зрелищных и продолжительных мучений. Служба шерифа на следующее утро завершила журналистов, будто личности линчевателей ей неизвестны.

На том дело, вроде бы и закончилось... Но мексиканцы придерживались иного мнения.

В течение нескольких последующих дней в Мексике стала подниматься волна возмущения и мексиканский посол в США де ла Барра (De la Barra) заявил протест американскому правительству. Посол даже набрался дерзости и потребовал выплатить денежную компенсацию родственникам сожженного преступника! Американцы поначалу отнеслись к происходившему снисходительно-пренебрежительно, однако после 10 ноября дело приняло совсем нешуточный оборот. В Мехико и Гвадалахаре начались массовые манифестации протеста против политики США и бездействия американских властей. Граждане США, находившиеся в этих мексиканских городах, были вынуждены заколачивать двери домов или бежать прочь, опасаясь самосуда толпы. В последующие дни ситуация стала только ухудшаться – в Гвадалахаре толпа пыталась штурмовать консульство США, натиск толпы отбили 4 мексиканских кавалериста, дежурившие у здания. Кавалеристы стреляли поверх голов и поролли самых ретивых демонстрантов плетями, благодаря чему толпу удалось удержать на некотором отдалении от здания. А в Мехико в ночь на 11 ноября толпа принялась забрасывать американское посольство и стоявших перед ним военных камнями, что побудило последних открыть огонь, в результате чего были убиты 2 студента и некий бродяга, который вообще не имел ни малейшего отношения к весёлому «движу» перед дипломатической миссией.

По всей стране начались нападения на американских граждан, вообще не имевших ни малейшего отношения к политике США. Особенно досталось американским студентам². В числе пострадавших оказался даже сын американского посла, учившийся в одном из местных университетов.

Президент США Уильям Тафт 10 ноября, т.е. в самом начале кризиса, отбыл из Чарлстона в Панаму и все проблемы с южным соседом поначалу разруливал госсекретарь США Филандер Нокс. Последний не только взаимодействовал с мексиканской стороной, но и пытался призвать губернатора Техаса Томаса Кэмпбелла к хотя бы символическому сотрудничеству с федеральным правительством в вопросе розыска линчевателей Родригеса. Кэмпбелл же явно не был настроен на какие-то реверансы в сторону мексиканцев и фактически игнорировал все обращения из Вашингтона. Тем самым губернатор давал ясно понять, что мексиканцев в Техасе и далее будут линчевать без суда и следствия, если посчитают это необходимым.

Поскольку авторитета госсекретаря явно не хватало для приведения губернатора в чувство, в происходившее в конце концов вмешался Президент США. 15 ноября за подписью Тафта губернаторам Техаса и Оклахомы были направлены телеграммы, в которых указывалось на недопустимость линчеваний, при этом перед Кэмпбеллом ставилась задача провести расследование расправы над Антонио Родригесом. Губернатор Оклахомы Хаскелл оказался

² В Мексике обучение в высшем учебном заведении намного дешевле, нежели в США, поэтому на протяжении последних полутора столетий многие молодые американцы из малообеспеченных семей едут за дипломами именно туда. Кто смотрел популярный сериал «Два с половиной человека» наверняка помнит одного из главных его героев – мануального терапевта Алана Харпера, который получил образование в Мексике. Последнее обстоятельство неоднократно обыгрывается создателями сериала в ироничном ключе, мексиканское образование Алана являлось источником шуточек для его брата и матери. Это весьма характерный штришок, из которого можно понять, что получение образования в Мексике актуально даже и для современных американцев.

в числе получателей телеграммы неслучайно – дело заключалось в том, что в его штате был убит шеф полиции городка Анадарко (Anadarko), по подозрению в совершении этого преступления был задержан мексиканец и... правильно, имелись основания предполагать, что до суда он не доживёт, ибо линчеватели расправятся с ним раньше.

Вы только вдумайтесь в абсурдность ситуации: Президент страны рассылает телеграммы губернаторам с призывом уважать Закон и не допускать самочинных расправ! И это в XX веке! Сюрреализм какой-то...

Чтобы закончить этот подзатянувшийся пересказ истории Антонио Родригеса, добавим последнюю деталь. 25 ноября Государственный департамент США распространил информацию о том, что подвергшийся линчеванию в Техасе мексиканец являлся гражданином США по «праву рождения», т.к. родился он на территории страны. На этом основании вмешательство мексиканского внешнеполитического ведомства и бурная реакция мексиканской общественности теряли всякий смысл. Во имя чего они устроили бурю в стакане, если на территории США погиб гражданин США?

А теперь вернёмся к событиям ночи со 2 на 3 ноября 1910 г., к тому самому часу, когда линчеватели явились за сидевшим в камере Антонио Родригесом. Как вы думаете, если бы мексиканец что-то знал об убийстве членов семьи Геррелл, он бы стал держать эту тайну в себе, или же заорал бы: «Отведите меня к судье, я хочу сообщить об убийстве маленькой девочки и её родителей двумя годами ранее и готов свидетельствовать об этом в суде!» Ответ, думается, очевиден... Но никто из свидетелей казни Родригеса не рассказывал о том, что тот исповедовался об известных ему преступлениях. О том, что сильно кричал и быстро потерял сознание – рассказывали, а о признаниях – нет.

Ничего Родригес не знал об убийстве Герреллов и банда злобных угонщиков скота ни малейшего отношения к случившемуся в Уотоге не имела – такой вывод представляется самым достоверным из всех возможных. Когда в апреле 1908 г. правоохранители заявили о подозрениях в адрес мексиканской банды, это умозаключение по своей сути являлось идентичным решению искать не там, где потеряно, а там, где светло.

По мнению автора, ни негры, ни мексиканцы к нападению на Мэтта Геррелла и членов его семьи отношения не имели. Разумеется, это сугубо оценочное суждение не может быть доказано, чтобы его доказать, преступление надлежит раскрыть, чего мы сделать не можем. Но нельзя не отметить того, что нет никаких данных, опровергающих совершение тройного убийства вполне себе белыми мужчинами, не имевшими ни малейшего отношения к местной преступности.

Тут самое время упомянуть о том, что одновременное убийство членов одной семьи являлось по американским меркам начала XX века событием довольно редким, если не сказать исключительным. Американский писатель Билл Джеймс, упоминавшийся нами в первой книге, предпринял обширное исследование криминальной публицистики первой трети XX века и обнаружил сообщения о 231 преступлении такого рода, совершенных на протяжении 31 года. Даже если считать, что его выборка неполна и «семейных» убийств несколько больше, скажем, на 10% или 20%, то всё равно мы получаем осредненное число менее 10 подобных преступлений в год. Абсолютное большинство таких посягательств совершалось с использованием огнестрельного оружия, иногда в ход шёл яд или взрывчатка. Некоторые убийства совершались топором – мы в этой книге рассматриваем значительную часть преступлений такого рода. Но вот палки – это совсем уж экзотично! Строго говоря, убийство членов семьи Геррелл – это единственный случай такого рода.

Другими словами, это посягательство является исключительным. Сами же преступники не пытались повторить этот опыт. Нетрудно догадаться почему – он оказался очень неудачным для них, им пришлось ретироваться с места преступления, не доведя задуманное до конца.

Убийцы сильно рисковали и если бы карты легли немного иначе, то их дерзость могла бы для них очень плохо закончиться.

В книге I было достаточно сказано о специфичности топора, как орудия совершения преступления. Палка или дубинка [т.е. палка с утолщением на конце] по способу применения во многом подобны топору. Они имеют все присущие ему недостатки, но при этом не имеют его достоинств. Если для любителя холодного оружия топор – это оптимальный выбор, то палка, скорее, вынужденный.

Трудно отделаться от ощущения, что напавшие на семью Геррелл воспользовались палками от безысходности. Возле дома, ставшего местом преступления, не было топора, как не было и поленницы дров. Герреллы получали уголь от железнодорожной компании и большой топор для колки дров в семейном хозяйстве был вещью ненужной. Убийцы не смогли добыть топор, а потому воспользовались тем, что отыскали.

По-видимому, эти люди сильно нуждались в самом необходимом – питании, деньгах, возможно, каких-то вещах или медикаментах. Мы можем допустить, что они находились в бегах. Кто-то из них имел опыт ночных нападений и убийств... И мысль применить хорошо зарекомендовавшую себя методику ночного нападения могла показаться адекватной той ситуации, в которой они оказались.

У нас нет чётких и однозначных свидетельств того, что преступление в Уотоге явилось делом рук «Убийцы с топором», ведь в Техасе действовал, всё же, убийца с палкой. Точнее, убийцы. Но пройти мимо этого преступления и не сказать о нём ни слова было бы неправильно. С отнюдь ненулевой вероятностью мы можем допустить, что серийный убийца, которому посвящена эта книга, во второй декаде апреля 1908 г. объявился в Техасе; это было вынужденное появление и действовал он не один.

25 ноября 1908 г.

В книге I мы уже писали о природе штата Алабама и укладе жизни его жителей. Этот небольшой экскурс нам пришлось сделать в главе, посвященной убийству 3-х членов семьи Кристмас в ночь на 8 февраля 1906 г. Тогда трагические события имели место в городке Коттонвуд на юго-востоке штата. То преступление, о котором пойдём речь сейчас, произошло в районе на севере штата, удаленном от Коттонвуда примерно на 380 км. В отличие от Коттонвуда местность здесь была сильно всхолмленной, пересеченной оврагами и многочисленными ручьями, фактически это было предгорье известного в США плато Камберленд (Cumberland). Сходство обеих территорий заключалось, пожалуй, в их малой населенности, причём та местность, о которой пойдёт разговор сейчас, была даже более дикой, чем Коттонвуд.

Местечко Вудланд Миллс (Woodland Mills) на территории округа Морган мы бы сейчас, пожалуй, не назвали населенным пунктом вообще. Это было сообщество уединенных фермерских участков, удаленных друг от друга на 700—800 и даже 1 тыс. метров. Местные детишки ходили в школу за 2 км. и даже за 3 км. – это зависело от того, кто где проживал. С 1874 г. здесь работало почтовое отделение, но через год после описанных событий его закрыли.

До железной дороги от Вудланд Миллс было недалеко. Если идти на запад, то до ближайшей железнодорожной станции в городке Хартселл следовало пройти 22 км. напрямик через леса и холмы, а если по дороге – то все 30 км. В восточном направлении в местечке Хоббс имелаась станция поближе – всего-то в 16 км., но чтобы попасть туда следовало сделать крюк почти в 5 км. дабы перейти по мосту через широкую реку Теннесси. Телефона в Вудланд Миллс не имелось, как не имелось его и в близлежащих посёлках – в общем, в 1908 г. это была настоящая глушь.

История, о которой пойдёт речь, описана в упоминавшейся ранее книге Билла Джеймса³, причём описана так, что толком ничего нельзя понять. По прочтении фрагмента книги, посвященного событиям в Вудланд Миллс, воистину чувствуешь себя профессором Преображенским из «Собачьего сердца», вопрошавшим Швондера: «Кто на ком стоял?» На основании повествования Билла Джеймса события невозможно сложить даже в простейшую последовательность, не говоря уже об их анализе и трактовке. Это тем более странно, что история, произошедшая в Вудланд Миллс, мало того, что чрезвычайно интересна сама по себе, но к тому же и хорошо задокументирована. Это очень любопытный психологический триллер, который заслуживает отдельной книги и обстоятельного детективного сериала, его повороты воистину захватывают дух! Автор не может объяснить, почему Билл Джеймс вместе с дочерью изложили случившееся скомкано и с большим количеством неточностей. Вернее, объяснение есть, но оно вряд ли понравилось бы американским исследователям, поскольку ставит под сомнение их объективность. По мнению автора, американские писатели явно попытались подогнать случившееся под свою голую схему и ради этого скрыли одни факты и неверно изложили другие.

После этого необходимого пояснения, имеет смысл перейти к изложению фактической стороны дела.

Супруги Эдмондсон – Томас и Лили (Thomas & Lyle Edmondson) – проживали в Вудланд Миллс всю свою жизнь. Они владели большим участком земли, настолько большим, что часть его сдавали в аренду. Кроме этого участка, им принадлежала земля отца Томаса, умершего ко времени описываемых событий. 72-летняя мать Томаса проживала вместе с сыном. В середине ноября 1908 г. она заболела и почти не поднималась с кровати. Томасу исполнилось 38 лет, Лили была несколько моложе – 31 год – и по-видимому, она являлась женщиной

³ Автор имеет в виду книгу Билла Джеймса (Bill James) и его дочери Рашель МакКарти-Джеймс (Rachel McCarthy James) «Человек из поезда» («The man from the train»), о которой рассказано в книге I «Всех грехов мира».

весьма привлекательной – данная деталь, как станет ясно из дальнейшего, имеет некоторое значение. Её характеризовали как хорошую домохозяйку, занимавшуюся детьми и домом, без совета с которой супруг решений не принимал. Тома описывали как мужчину доброго, покладистого, готового всегда прийти на помощь, неглупого, с большим житейским опытом. Один из свойственников Тома высказался о нём так: «обмануть Тома было невозможно» – характеристика лаконичная и ёмкая!

Чтобы закончить рассказ о семье, добавим, что пара прижила в браке 2-х детей – девочку 12 лет и 2-летнего мальчика⁴.

По местным меркам Эдмондсоны были не просто зажиточны, а по-настоящему богаты. Они проживали в солидном просторном бревенчатом доме – данная деталь существенна, так как бревенчатые постройки ценились в Америке тех лет намного дороже сколоченных из досок. Неподалёку от дома находился большой каменный сарай, а между ними стоял другой – деревянный. Эта деталь, как станет ясно в своём месте, также имеет значение.

Карта восточных и южных штатов США с указанием мест совершения «семейных убийств» с использованием топора в начале XX века. Цифрами обозначены: 1 – место убийства супругов Харт 4 марта 1908 г. в местечке Фрейзер, штат Джорджия; 2 – место убийства 12 апреля 1908 г. семьи Геррелл в г. Уотога, штат Техас; 3 – место убийства семьи Эдмондсон в районе Вудланд Миллс, штат Алабама.

На некотором отдалении – примерно в 150 метрах – находился другой большой дом с сараем – эти постройки занимал арендатор земли (т.н. издольщик).

Эдмондсоны вели дела очень удачно и деньги в банках не хранили, а потому в их доме должна была находиться наличность в размере по меньшей мере 3 тыс.\$, вырученных от продаж последнего урожая. Впрочем, упомянутые 3 тыс.\$ кто-то называл сбережениями матери

⁴ В газетах, датированных 1908 годом, сообщается о 3 детях, но эта информация ошибочна, у Эдмондсонов было двое детей, что нашло подтверждение в ходе судебного процесса.

Томаса Эдмондсона – полной ясности в происхождении этой суммы нет, как нет и подтверждения факта её существования. Но здесь важно отметить, что по всеобщей убежденности местных жителей такая сумма должна была находиться в доме фермера. По тем временам такие деньги представлялись весьма немалыми. Кроме того, отнюдь недёшево стоило принадлежавшее Эдмондсонам недвижимое имущество и сельхозинвентарь – в общем, проживали они в достатке и деньги за душой имели.

С 1904 г. издольщиками Эдмондсонов являлась семья Роберта Клементса в составе родителей и 7 детей, старшей девочке уже исполнилось 10 лет, младшему мальчику – 2 годика. Ко времени описываемых событий Роберту исполнилось 35 лет, у него были прекрасные отношения с Томом Эдмондсоном, который даже называл Боба двоюродным братом, хотя родственниками они не являлись.

На территории округа Морган проживало большое количество родственников Тома Эдмондсона – братья, сёстры (родные и двоюродные), дядя и племянники. Эдмондсоны давно укоренились в Алабаме и хотя никаких выдающихся постов никто из них не занимал, этот разветвленный род был широко известен и пользовался хорошей репутацией. Данную деталь, пожалуй, имеет смысл сейчас подчеркнуть.

Совершенно точно известно, что 24 ноября 1908 г. Том Эдмондсон продал 10 тюков с хлопком, выращенным на своей земле. Мы не знаем точную сумму, вырученную им от этой сделки, но даже если считать, что килограмм очищенного хлопка-сырца стоил 10 центов (а в ценах 1908 года он мог стоить и 30 центов в зависимости от качества!), то за 500 кг. фермер мог получить 50\$. А то и по более!

SATURDAY SPECIALS!

Spring Chickens, dressed, per lb.	30c
Young Hens, dressed	18c
Onions, dry peck	30c
Cucumbers, peck	35c
Peas, home grown, pk.	35c
Oranges, navals, pk...	35c
Limes, Mexican, doz..	25c
Butter, Dairy, per lb...	25c
Butter, (by jar) per lb.	23c
Creamery, Cope's Perfection, lb.	29c
Eggs, country, guaranteed doz.	19c

Celery	Peaches
Cauliflower	Pineapples
Cantaloupes	Strawberries
Cherries	Blackberries

Satisfaction guaranteed on every purchase.

Рекламное объявление из газеты 1910 г. помогает получить представление о ценах на продукты питания в крупных продуктовых магазинах по субботам. Почему по субботам? Ну, потому что суббота – это день семейных закупок. Фунт местного гороха (~450 гр.) стоил 35 центов, мексиканские лаймы – 25 центов, масло в банке – 23 цента за фунт, а развесное – 25 центов. Огурцы шли в одну цену с апельсинами – по 35 центов за фунт. Дюжина яиц стоила 19 центов, а неошипанные цыплята продавались по 30 центов за фунт. Простейший подсчёт показывает, что на 7—8\$ в неделю семья из 4 человек могла питаться не только полноценно с точки зрения физиологического поддержания жизни, но и разнообразно.

А поздним вечером 25 ноября, накануне Дня Благодарения, дом семьи Эдмондсон загорелся. Случившееся в Вудланд Миллс является тем редким случаем, когда начало пожара наблюдал свидетель – им оказался Айзек Тёрни (I. B. Turney), один из нескольких ближайших соседей Эдмондсонов, проживавший на удалении около 700 м. от их дома. Около 23 часов Тёрни услышал со стороны дома Эдмондсонов два отчётливых крика – мужской и женский – которые, несмотря на значительное расстояние были хорошо слышны в ночной тишине. Эти крики вызвали вполне понятную тревогу Тёрни и тот некоторое время смотрел в темноту в направлении участка Эдмондсонов. Он видел, как резко занялось пламя там, где стоял бревенчатый дом. А буквально через несколько секунд появился второй очаг возгорания и Тёрни понял, что это загорелся один из сараев. Расстояние между постройками было слишком велико для самопроизвольного переноса пламени, кроме того, между домом и загоревшимся большим

каменным сараем находился деревянный сарай поменьше – который не загорелся! – так что Тёрни моментально догадался, что на участке соседей орудует поджигатель.

Айзек немедленно разбудил жену и детей, объяснив им, что происходит. Он приказал старшему сыну звонить в пожарный колокол, а супруге вручил пистолет и велел следить за детьми. Сам же Айзек помчался на выручку Эдмондсонам, разумеется, также вооружившись пистолетом. Он не сомневался в том, что сосед стал жертвой преступления и возможно нуждается в помощи.

Нельзя не отметить мужество этого человека, без колебаний бросившегося на помощь чужим людям, сознавая при этом, что его вмешательство может закончиться столкновением с опасными преступниками. Как мы вскоре увидим, Тёрни станет одним из важнейших свидетелей в этом деле, хотя и не единственным.

Другой важный свидетель находился намного ближе к месту трагедии. Речь идёт об упоминавшемся выше Роберте Клементсе, арендаторе, проживавшем вместе с семьёй в доме на участке Эдмондсонов. Клементс увидел всполохи пламени около 23 часов. Он не сразу понял, что это такое, поскольку дом Эдмондсонов заслоняли деревья. Тем не менее, Роберт встревожился, вылез из кровати и вышел на веранду, дабы посмотреть, что же происходит. Сообразив, что горят дом и сарай Эдмондсонов, он побежал на пожар. Впоследствии Клементс не раз говорил, что расстояние от его дома, до дома Эдмондсона составляет 166 шагов и тут уместно задаться вопросом: сколько потребует времени на то, чтобы преодолеть такую дистанцию? Минута – полторы – и то, если не бежать... Роберт Клементс оказался на месте происшествия первым, что легко объяснимо близостью его проживания.

Очень скоро к нему присоединились ближайшие соседи – Джон Гриер (John L. Grier) Джон Данн (John Dunn) и Джон Хелм (John Helm) – проживавшие на удалении около полумили или чуть более от участка Эдмондсона.

Что сделали эти люди, оказавшиеся на месте происшествия первыми? Ни за что не догадаетесь!

Все они принялись искать Эдмондсонов в зелёном массиве, примыкавшем к дому с южной стороны. Когда Тёрни добежал до места пожара, он был несказанно удивлён поведением Клементса, Гриера и Данна, которые вместо того, чтобы пытаться потушить огонь или хотя бы проникнуть в дом, бегали по кустам и истошно кричали. Впоследствии, когда их стали спрашивать, зачем они это делали, мужчины дали ответы довольно странные. Гриер простодушно заявил, что он делал то же, что делал Клементс, а Клементс объяснил логику своего поведения тем, что он якобы подумал, будто Эдмондсоны должны были испугаться огня и могли от него убежать в лес. Почему они должны были бежать, а не тушить огонь, и почему они должны были бежать в именно лес, а не в поле, Клементс объяснить не мог...

Это была первая странность в ряду прочих, хотя поначалу никто не обратил на неё особого внимания. На протяжении ночи с 25 на 26 ноября к горевшему дому Эдмондсонов съезжались жители соседних ферм, а также разного рода путники, проезжавшие через Вудланд Миллс. Нельзя сказать, что собралась большая толпа, но к восходу Солнца на территории фермы находилось уже более десятка мужчин.

К 8 часам утра на пожаре появился Джон Хелмс (J. E. Helms), нотариус, постоянно проживавший в Вудланд Миллс. Его не надо путать с фермером Хелмом, упомянутым чуть выше. Нотариус впоследствии также стал одним из важнейших свидетелей по данному делу, хотя в ту минуту никто этого не мог и предположить. Хелмс провёл ночь на 26 ноября в доме родственников в местечке Волхермуза (Valhermoosa) примерно в 3 км. от места пожара. Около полуночи он увидел зарево над лесом, услышал звон пожарных колоколов и понял, что где-то неподалёку занялся сильный огонь, однако решил ночью не пускаться в опасный путь. К ферме Эдмондсона нотариус отправился поутру. К моменту появления Хелмса на участке Эдмондсо-

нов собралась уже довольно приличная группа людей – порядка дюжины человек или чуть более – причём, некоторые из присутствовавших успели уже уехать и вернуться обратно.

Как видим, Хелмс был далеко не первым человеком, оказавшимся на месте пожара, но именно он сумел организовать разобщенную группу спасателей и придать её действиям осмысленность и целеполагание. Хелмс закончил университет, одно время был мировым судьёй, во время описываемых событий владел нотариальной конторой, в которой давал юридические консультации – в общем, этот человек был не только хорошо известен местными жителями, но и пользовался их бесспорным уважением. До появления шерифа именно он в глазах окружающих сделался символом Правосудия, хотя никаких формальных оснований считаться старшим не имел.

Уже после появления Хелмса прогоревшая кровля дома провалилась, примерно тогда же провалилась крыша сарая. Т.о. открытое горения продолжалось без перерыва ~9 часов, что стало возможно в силу обилия горючего материала (напомним, что дом Эдмондсонов в отличие от большинства американских щитовых домов был сложен из массивных брёвен). В это время пошёл сильный ливень, который привёл к тому, что ослабевшее пламя затухло.

Наступивший день открыл безрадостную картину: перепачканные сажей люди бродили по пепелищу, заливая водой последние очаги горения и разгребая золу, и вот тут-то было сделано первое пугающее открытие. На месте сгоревшего дома под упавшими стропилами была обнаружена... нижняя часть женского тела. Принадлежность обнаруженного фрагмента особых сомнений не вызвала – он явно принадлежал молодой женщине! Не спрашивайте автора, почему присутствовавшие решили, что видят останки именно молодой женщины – напомним, что в семье жила мать мужа преклонных лет – просто по всеобщему убеждению нижняя часть торса и ноги принадлежали 31-летней Лили Эдмондсон.

Нотариус Хелмс, уже выслушавший к тому времени Айзека Тёрни и убежденный в том, что проживавшая на ферме семья в стала жертвой преступления, понял, что убитые находятся внутри сгоревших построек. Он попросил присутствующих тщательно осмотреть пепелище, дабы отыскать сохранившиеся улики, а сам занялся сараем. Там-то нотариусом и были сделаны новые открытия.

Сейчас сложно сказать, как был устроен сарай – его фотографий и даже приблизительного плана не сохранилось. Нам только известно, что это была капитальная постройка внушительных размеров, разделенная на несколько секций. Не совсем понятно, были ли эти секции полностью изолированы глухими стенами, или же в стенах существовали двери благодаря чему можно было перемещаться из одной части сарая в другую. Как станет ясно из дальнейшего, данная деталь имеет важное значение, но никакой ясности в данном вопросе нет. Известно, что в одной или даже двух больших секциях хранился урожай – примерно 10 тонн хлопка, несколько сотен бушелей кукурузы (1 бушель – это примерно 200 кг.) и пшеница. В другой находился корм для свиней, по-видимому, таковым служили измельченные кукурузные стебли. Одно из отделений использовалось как конюшня. Имелась зона для содержания коров, известно, что таковых в сарае было по меньшей мере 3, а кроме них – племенной бык. Также в сарае имелся большой свинарник. Безусловно, в хозяйстве Эдмондсонов был и птичник – куда же без кур, гусей и индеек? – но находился ли он в упомянутом сарае или же для него существовала отдельная постройка, мы не знаем. Вполне возможно, что птичник был вынесен в другой сарай – деревянный, тот, что находился между домом и каменным сараем и остался не тронут огнём. Во всяком случае, в документах окружной прокуратуры и суда есть информация о спасении во время пожара крупных животных – коров, быка и лошадей – но ничего не говорится о птице. Вполне возможно, что птице ничего не угрожало, потому о её спасении нет упоминаний. Зато мы точно знаем, что в упомянутом каменном сарае была устроена особая кладовка для сушки и хранения семян хлопчатника.

Именно в этой кладовке и были найдены тела детей, точнее, фрагменты тел. Кровля сарая прогорела и провалилась подобно тому, как это случилось с кровлей дома, но помещение кладовки от этого практически не пострадало. Произошло это по двум причинам: во-первых, из-за небольшой площади помещения в него попало сравнительно немного горящей древесины, а во-вторых, сильный дождь, начавшийся под утро, промочил мешочки с семенами хлопка и они не загорелись от искр и фрагментов стропильной системы. На этих-то мешочках с семенами, уложенных в несколько рядов на деревянный поддон, нотариус Хелмс и нашёл части тел двух детей – маленького мальчика и девочки 10—13 лет.

Строго говоря, тело девочки оказалось частично расчленено, отсутствовала правая рука и часть левой от локтя вниз, отсутствовала часть правой ноги от колена, а также верхняя часть черепа. От головы фактически остались подбородок и часть верхней челюсти с двумя резцами, имевшими аномалию развития (зубы были немного повёрнуты). Тело девочки было обнажено, а мальчик оказался одет, на его ногах даже остались носочки. Хотя тела пробыли долгое время в горевшем здании, они фактически не обгорели, а скорее прокоптились в результате обдува дымом.

Тела детей в тот же день опознали их дядя Эдвард Эдмондсон, брат отца, и друг семьи Джон Белл, видевший всех членов семьи 24 ноября. Тело девочки принадлежало 12-летней Нетти (Nettie) Эдмондсон, а мальчика – 2-летнему сыну⁵.

Чтобы закончить с медицинской стороной вопроса, скажем, что судебно-медицинский осмотр найденных на пожаре останков провёл местный доктор Теодор Расселл (Т. J. Russell). Причину смерти Лили Эдмондсон он установить не смог, по той, видимо, причине, что все повреждения были сосредоточены на верхней части тела, которая отсутствовала. Сложно сказать, была ли верхняя часть тела отрублена и унесена с места преступления убийцей или же её уничтожил огонь. Последнее представляется всё же сомнительным, температура открытого горения древесины ниже 700° по Цельсию и полное уничтожение крупных костей черепа, позвонков и зубов кажется маловероятным. В общем, никакой ясности с причиной отсутствия верхней части тела Лили Эдмондсон в начале расследования не было и последующий ход событий данный аспект установить не позволил.

Что же касается мальчика, то по мнению доктора тот был зарублен топором, его череп от полученных ударов потерял форму. А вот раны девочки оказались очень необычны – в её правом боку находился след ножевого ранения, второй аналогичный след имелся у основания шеи. Врач, желая определить длину клинка, ввёл в рану зонд и обнаружил, что тот достиг сердца. На этом основании Расселл заключил, что девочка была убита ударами ножа и уже после этого подверглась частичному расчленению. Врач сделал кое-какие заключения о размерах ножа, которым была убита девочка – по его мнению клинок должен был иметь длину не менее 20 см. и ширину не менее 3 см. – но суждение это следует принимать с важной оговоркой. А именно, Расселл не был судебным медиком и не мог быть специалистом в области ранений холодным оружием, выражаясь современным языком, это был врач общей практики и его повседневный профессиональный опыт сводился к лечению неврозозов, мигреней и триппера. Вряд ли такой специалист мог действительно компетентно описать оружие, которым была убита Нетти. Тем не менее, запомним его вывод об использовании большого ножа, в скором времени мы к этому пункту вернёмся.

⁵ Точное имя младшего из детей в известных документах не упоминается, о нём обычно говорят «младший из детей» или «сын». Из показаний одного из свидетелей можно заключить, что мальчика звали Джессоп, но уверенности в этом нет, поскольку косвенная речь в газетных репортажах передавалась весьма неточно. Чтобы читателю стало ясно, насколько же произвольно журналисты тех лет обращались с фактурой, можно упомянуть, например, о том, что Лили Эдмондсон, убитая жена хозяина фермы, поначалу именовалась в некоторых репортажах «Фанни». Показательно и то, что на протяжении первого месяца после преступления газетчики упорно сообщали о 3-х убитых детях, в то время, как на самом деле Эдмондсоны имели двух детишек.

Ещё раз подчеркнём, что изложенные выше детали стали известны позже, но нотариус Хелмс, внимательно осмотревший трупы, отчасти предвосхитил выводы врача. Предположения Хелмса в самом общем виде можно сформулировать следующим образом: а) людей убивали в разных местах, по-видимому, в разное время, разным оружием и б) убийца предпринял попытку расчленив трупы для их последующего сокрытия, но в силу неких причин не смог этого сделать, точнее, не смог довести реализацию своего намерения до конца. Можно было лишь догадываться, что именно помешало преступнику полностью расчленив трупы – появление свидетеля, нехватка времени, физиологическая слабость – но важно то, что он явно хотел запутать расследование, создав видимость, будто убитые не убиты, а отсутствуют по иной причине...

Картина случившегося получалась довольно странной и Хелмс после того, как Солнце поднялось достаточно высоко, принялся тщательно осматривать территорию фермы. Мы должны быть очень признательны этому человеку за его настойчивость, поскольку представители власти были вынуждены проехать к месту преступления на лошадях около 28 миль и прибыли на ферму уже к закату. За время их отсутствия на месте преступления побывало довольно много зевак, искавших обстановку. Поэтому именно наблюдения Хелмса дали следствию очень ценную информацию, которая в противном случае могла бы попросту исчезнуть.

Итак, что же установил нотариус утром 26 ноября?

Прежде всего, при осмотре территории возле каменного сарая он обнаружил большое количество мелких костей и фрагментов крупных с частицами плоти на них. Упомянутый выше доктор Рассел впоследствии под присягой рассказал об этих костных останках так: «Большое количество зубов, челюстей и другие кости были найдены разбросанными возле руин дома и сарая, но их состояние было таково, что не представлялось возможным сказать, телам каких людей они принадлежали.»⁶ Этих костных фрагментов оказалось столько, что они заполнили ведро! Найденные останки Хелмс не отдал для захоронения, а передал окружному прокурору, так что впоследствии они фигурировали в суде в качестве важной улики, свидетельствовавшей о методичном расчленении тел убийцей.

Внутри сарая и снаружи присутствовали многочисленные кровавые пятна и брызги, что объясняло происхождение костных фрагментов – убийца рубил тела жертв.

Продолжая исследование фермы, Хелмс в компании с несколькими другими местными жителями сделал и другое открытие. Он увидел большие потёки крови как возле дома, в котором проживала семья Клементс, так и на самом доме. Речь идёт о той самой постройке, что находился на удалении 150 м. от основной усадьбы. Сейчас нам сложно сказать, насколько велики были эти пятна – никаких фотографий, сделанных на месте совершения преступления, не сохранилось, как не сохранилось фотографий дома, занятого Клементсами – но насколько можно судить по устным описаниям, имелось не менее 3-х больших участков, испачканных кровью. Один из них находился на крыльце или веранде, устроенной у входа в дом, второй – в нижней части здания возле угла, а третий – за углом на каменной каминной трубе, встроенной в стену гостиной.

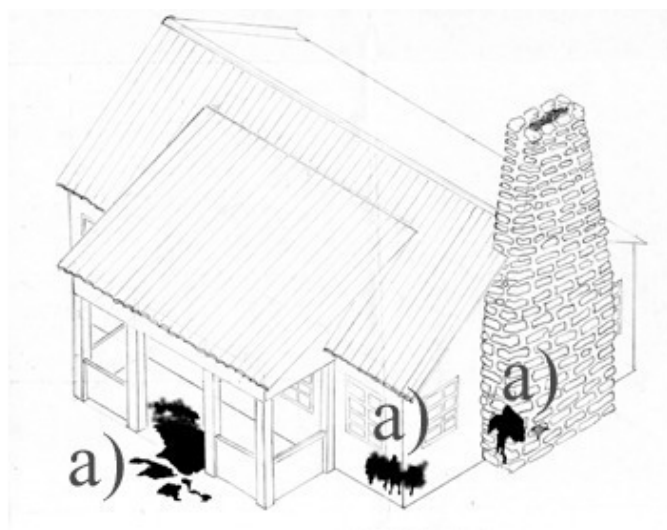
Кровь была засохшей, не пачкала и не оставляла помарок при трении, но выглядела довольно свежей. При взгляде на эти следы создавалось впечатление что некое довольно крупное раненое существо – человек, корова или свинья – бежало вокруг здания, задевая его. Крови не было найдено на подходе к дому. Помимо упомянутых больших пятен имелось большое количество мелких брызг на входной двери и стенах постройки. В частности, свидетели упоминали о довольно крупном («размером с оливу») кровавом пятне на входной двери, причём некоторые вполне уверенно утверждали, что это пятно являлось ничем иным, как кровавым

⁶ Дословно: «A large number of teeth, jawbones and other bones were found scattered about the ruins of the house and barn, but they were in such a condition it was impossible to tell what bodies they belonged to.»

отпечатком большого пальца. Хелмс, разумеется, поинтересовался у Роберта Клементса происхождением крови, и тот ответил, что несколькими днями ранее попытался перед домом зарезать свинью, но та вырвалась. Объяснение было так себе, не очень удачным, поскольку сельские жители хорошо осведомлены о силе и свирепости раненой свиньи. Подобную процедуру не осуществляют в одиночку – слишком она тяжела и опасна – есть у неё свои специфические приёмы и фермеры, разумеется, знают все эти нюансы.

Так что объяснение Клементса прозвучало как-то недостоверно и легковесно, хотя в те часы и минуты никто не обратил на его слова особого внимания.

Продолжая осмотр территории фермы, дотошный нотариус сделал ещё одно важное открытие.

Условная схема дома, в котором проживала семья Клементс, с указанием локализации кровавых пятен. Как и многие американские дома на юге страны, это была дощатая постройка с большим камином в гостиной комнате. Камин был выложен из песчаника (или иного местного камня) и частично выступал из стены постройки. С точки зрения жителя северных территорий подобное архитектурное решение кажется нерациональным, но перед обитателем юга не стоит задача сбережения каждой калории, поэтому такие постройки возводились в США и Мексике на протяжении столетий. Условным знаком «а)» обозначены обширные пятна крови, обнаруженные Хелмсом и группой фермеров при осмотре дома днём 26 ноября. Они располагались прямо перед домом и частично на его крыльце (веранде), а также у угла и за углом на камнях камина, встроенного в стену гостиной.

Он последовательно отыскал в грязи в разных местах неподалёку от сгоревшего дома серебряные часы, бумажник и мелкие серебряные монеты. В упоминавшейся ранее книге «Человек из поезда» можно прочесть, будто бумажник и череп были найдены на краю поля на второй день обследования фермы, но это утверждение ничем не подтверждается – череп в рамках данного расследования вообще никто никогда не находил, а бумажник, как сказано выше, оказался найден в первый же день в непосредственной близости от дома.

Чем эти находки были важны? Тем, что родственники опознали серебряные часы как принадлежавшие умершему отцу Тома Эдмондсона, его мать всегда их носила с собой в качестве своеобразной реликвии. То, что часы оказались выброшены с большой вероятностью означало её смерть, точнее, убийство.

В тот же день на некотором удалении от часов и бумажника был найден большой охотничий нож, который принадлежал Тому Эдмондсону. По крайней мере, он очень походил на тот нож, который глава семейства часто носил на поясе. Вместе с тем, найденный нож

не имел каких-то особых признаков – гравировки, царапин, сколов и пр. – однозначно доказывавших его принадлежность исчезнувшему фермеру. Исходя из размера клинка, данный нож мог явиться орудием убийства Нетти Эдмондсон, по крайней мере так считал доктор Рассел, однако тут следует заметить, что на ноже не имелось видимых следов крови. А анализ смывов с ножа с целью выявления скрытых следов крови не проводился – американская криминалистика начала XX столетия понятия о подобном не имела.

Однако самое важное, пожалуй, открытие ожидало Хелмса и его спутников отнюдь не возле построек! В зарослях осоки, на некотором удалении от сгоревшего дома и сарая, рядом с дорогой он увидел довольно большой участок примятой травы с... большим пятном крови. Исследуя траву, нотариус обнаружил ценную находку – небольшую серебряную подвеску в форме сердечка и оборванную цепочку. Эти находки он передал окружному прокурору и тот провёл их формальное опознание. Родная сестра Тома Эдмондсона Нола (Nola Edmondson) опознала в серебряном сердечке свой подарок племяннице – той самой 12-летней Нетте, чьё обезображенное тело было найдено в подожжённом каменном сарае.

Итак, во второй половине дня, спустя примерно 16 часов со времени обнаружения пожара, на месте преступления появились должностные лица, которым предстояло вести расследование далее. Это были окружной шериф Томас Шипп (Thomas R. Shipp), окружной прокурор Грин (D. F. Green) и коронер Дэвид Элмон (David C. Almon). Они заслушали свидетелей, осмотрели ферму, внимательно выслушали рассказ нотариуса Хелмса о сделанных им открытиях. Посоветовавшись, правоохранители пришли к единому мнению, что собранные материалы позволяют коронеру собрать жюри и принять формальное решение о факте совершения преступления.

Момент этот довольно любопытен и имеет для нас значение, смысл которого станет ясен чуть позже. Пока же просто уточним, что сами по себе действия coronera по предварительному расследованию подозрительного инцидента являются совершенно рутинной процедурой и по этой причине в этой книге на них не делался акцент. Мы обычно сообщали, что после того, как факт убийства был доказан, окружной прокурор начинал следствие, в рамках которого шериф выполнял его – прокурора – поручения.

По американской традиции coronerское жюри собиралось в первые сутки с момента, когда становилось известно о подозрительном инциденте. Если жюри признавало случившееся несчастным случаем, то все юридические процедуры на этом останавливались, а если жюри склонялось к мысли об имевшем место нарушении закона, то в дело вступал окружной прокурор.

Итак, коронер собрал жюри, которое заслушало сообщение окружного шерифа о событиях последних суток, найденных на территории фермы человеческих останках и вещественных уликах, а также заслушало свидетелей. В числе последних оказался Роберт Клементс, что неудивительно, ведь он жил в непосредственной близости от эпицентра событий и рассказывал о себе как о хорошем друге хозяина ферме.

Показания Клементса были лаконичны и вполне корректны. Он сообщил членам жюри, что прекрасно ладил со всеми членами семьи Эдмондсон, никаких конфликтов между ним и владельцем фермы никогда не было, а также особо уточнил, что всем окрестным жителям было хорошо известно, насколько же Эдмондсоны были зажиточны. Затем Клементс рассказал о своих действиях после того, как увидел пожар в окне и о том, как вместе с другими соседями пытался бороться с огнём.

Ну, рассказал и рассказал, молодец! Но тут следует уточнить – заседание coronerского жюри не протоколировалось, в своём месте мы увидим, что эта деталь имеет значение.

Жюри приняло решение, согласно которому на ферме произошло убийство по меньшей мере 3-х членов семьи Эдмондсон. Возможным виновником случившегося объявлялся Томас Эдмондсон, который убил жену и детей, осуществил поджог строений и покинул место, увезя

пожилую мать. То, что возле дома были найдены серебряные часы отца и кошелёк матери, жюри посчитало имитацией ограбления, призванной сбить следствие со следа.

Уже на следующий день местные газеты сообщили о подозрениях в адрес без вести отсутствующего Томаса Эдмондсона. Экстренно были отпечатаны плакаты с описанием его внешности, правда, премию за поимку никто не обещал, поскольку премиальный фонд ещё не был создан – это предстояло сделать в будущем.

Но уже в пятницу стали выясняться разного рода любопытные детали, заставлявшие посмотреть на дело под иным углом, нежели это сделало коронерское жюри.

Во-первых, некто Торн Джонсон (Torn Johnson), один из членов жюри, обратил внимание на интересную деталь, не замеченную другими членами жюри, и сообщил о своём наблюдении шерифу Шиппу. Дело заключалось в том, что Роберт Клементс, рассказывая жюри о телесных повреждениях Нетти Эдмондсон, сообщил о ножевых ранениях, полученных девочкой. Эта осведомленность выглядела очень странной, поскольку тело Нетти было грязным и «прокопченным», т.е. имело смуглую кожу, в силу чего ножевые ранения трудно было рассмотреть. Точнее говоря, они совершенно не бросались в глаза. Тем более, что тела в сарае отыскал нотариус Хелмс, который их вынес с места пожара и накрыл дерюгой. Когда Клементс мог успеть рассмотреть труп Нетти и увидеть на нём следы ударов ножом, если члены жюри, также видевшие тело девочки, на упомянутые раны внимания не обратили?

Во-вторых, Клементс, прибывший на место пожара первым, почему-то не удосужился войти в горящий дом, а принялся искать его жильцов в лесу. Об этом было написано в начале нашего повествования. Более того, когда несколькими минутами позже на пожаре появился Джон Гриер, то и ему Клементс посоветовал в дом не входить, а побегать и покричать по лесу. Согласитесь, это какая-то показушная и совершенно бессмысленная активность!

В-третьих, шериф Шиппс, опросив свидетелей, выяснил, что Клементс в самом начале пожара проявлял к сараю вполне определенный интерес. Он открыл створки дверей в загон, в которых находились домашние животные, в результате чего все они остались живы. Но вот что было интересно: Клементс открыл по меньшей мере 3 двери – в загон для свиней, коров и лошадей – но в помещение для хранения семян не заглянул. А ведь именно в нём находились трупы детей! Можно было поверить в такую избирательность? Ну, наверное, да, Клементс мог считать эту комнату пустой и потому интереса к ней не проявил. Но через день шериф не без удивления узнал, что среди спасенных домашних животных оказались лишь те, что принадлежали Клементсу, то есть получалось, что тот не столько беспокоился об имуществе Эдмондсона, сколько о своём собственном. Вся эта активность выглядела довольно подозрительно – там, где существовала угроза личному имуществу, Роберт Клементс демонстрировал сообразительность и быстроту реакции, а там, где следовало побеспокоиться о хозяевах фермы, например, войти в дом или осмотреть горящий сарай полностью, свидетель вдруг становился безынициативен и нелюбопытен. Отчего такая избирательность?

В-четвёртых, опрашивая участников поисково-спасательных работ, развернувшихся на ферме в первые часы после пожара, шериф Шиппс узнал, что Клементс удерживал их от того, чтобы искать Эдмондсонов в тех самых зарослях осоки, где впоследствии была найдена лужа крови и украшение убитой Нетты. Об этом шерифу рассказал фермер Уилльям Стрингер (W. T. Stringer), прибывший на пожар одним из первых. Стрингер утверждал, что когда он направился в сторону зарослей, Клементс буквально закричал на него, дескать, зачем терять время и искать возле дороги?! Хотя как раз-таки возле дороги и следовало искать, ведь спасающиеся от огня люди в поисках помощи побегут именно к жилью или на дорогу, а огнюдь не в глухой лес! Но Стрингер не подумал об этом и подчинился эмоциональному воздействию Клементса.

В общем, шериф заявил коронеру, что считает решение коронного жюри, вынесенное в четверг, преждевременным и настаивает на повторном изучении всех деталей случившегося

на ферме. Элмон помялся – помялся, да и согласился – у шерифа было законное право настаивать на уточнении решения.

В субботу коронерское жюри собралось на повторное заседание, но прежде чем коснуться его деталей, необходимо рассказать о другом. В ночь на 27 ноября, т.е. спустя примерно сутки со времени пожара, произошло нечто такое, чего не ожидал никто.

Роберт Клементс, находившийся в своём доме, услышал голос, позвавший его! Некто, находившийся в лесу отчётливо произнёс: «Привет, Боб!» Клементс был потрясён, он был уверен, что узнал голос! К нему обратился Томас Эдмондсон...

Роберт был в доме не один, подле находился друг его детства Роберт Уиллис (Robert Willis). Строго говоря, мужчины выпивали, так что их полуночное времяпрепровождение не должно особенно удивлять. Уиллис утверждал впоследствии, что также слышал голос из леса. Друзья не на шутку испугались, Клементс был уверен, что хозяин фермы вернулся, чтобы убить его... Этот вывод представляется странным и неожиданным одновременно, поскольку если бы кто-то и хотел убить Роберта, то последнее, что злоумышленнику надлежало бы сделать – это позвать жертву и тем самым предупредить о своём присутствии... Ну да ладно, не будем придирается к трактовкам, нас интересует общая фабула.

Итак, мужчины, взволнованные и слегка хмельные – или совсем не слегка! – схватились за револьверы и выбежали из дома наружу. Не увидев и не услышав ничего подозрительного, они вернулись обратно в дом. Уиллис заявил, что не может сейчас уйти и подвергнуть Клементса и его семью опасности, и два Роберта просидели за бутылочкой виски до утра.

На следующий день – 27 ноября – Клементс заявил во всеуслышание, что Том Эдмондсон прячется где-то в лесу неподалёку и по этой причине Клементсу и его семье необходимо сменить место проживания.

Так семья Клементс в полном составе и поступила. Уехали они не очень далеко, менее чем за 2 мили (чуть более 3 км.), и стали жить в доме, который им любезно предоставил Эдгар Рассел (Edgar Russell; не следует путать этого фермера с доктором, принявшим на себя функцию судебного медика – это разные люди и даже не родственники. Эдгар был простым фермером, с которым Роберт Клементс дружил 8 или 9 последних лет). Если подумать рационально, то никакого смысла в подобном переезде нет, ведь для убийцы 3 км. – это отнюдь не непреодолимая преграда! Если бы кто-то действительно хотел убить Роберта Клементса на ферме Эдмондсона, то что мешало злоумышленнику сделать это на ферме Рассела? Никакой логики... хотя торопиться с выводами не станем.

Что же последовало далее?

В субботу 28 ноября коронер провёл повторное заседание жюри, состав которого был тем же самым, что и двумя днями ранее. Это заседание интересно для нас тем, что на нём в качестве важного свидетеля повторно выступил Роберт Клементс, причём содержание его выступления радикально отличалось от того, что он говорил на первом заседании.

На этот раз Роберт поведал членам жюри о том, что супруги Эдмондсон имели причины для обоюдных претензий и серьёзных конфликтов. Томас ревновал жену ко многим жителям Вудланд Миллс и даже случайным проезжим. По мнению Клементса основания для подобного поведения у него имелись. Лили была привлекательна, нравилась мужчинам, она легко шла с ними на контакт и, поскольку занималась торговлей, то находила массу причин для того, чтобы уединяться с потенциальными клиентами. Заигрывания мужчин с его женою раздражали Тома, а её кокетство вызывало гнев. Ревность Тома в последнее время стала достигать до того, что он запретил жене уходить с покупателями даже в огород, который находился на открытой местности. Клементс заявил членам жюри, что лично наблюдал сцену между супругами, во время которой Томас, раздраженный отговорками жены, не выдержал и ударил её по голове тростью из орехового дерева, которую в тот момент держал в руках. Свидетель заявил далее о сомнениях Томаса в том, что дети, рожденные женой в браке с ним, действи-

тельно зачаты от него. И присовокупил, что детишки и в самом деле мало походили на Тома внешне. По этой причине Эдмондсон сильно переживал, хотя старался и не демонстрировать на людях свою горечь. За пару месяцев до трагедии Том сообщил Роберту Клементсу, что готов убить жену и детей, сжечь ферму и бежать, чтобы начать в новом месте жизнь с чистого листа.

На прямой вопрос коронера Элмона, известна ли свидетелю личность любовника или любовников Лили Эдмондсон, Клементс ответил положительно и назвал человека с которым Лили поддерживала связь в последние месяцы. Таковым оказался некий Генри Калберт (Henry Culbreth), высокий, импозантного вида молодой человек. В день трагедии – 25 ноября – он подъехал на своей повозке к дому Эдмондсонов и попросил Лили выбрать ему несколько кабачков. Женщина сначала сходила с ним в огород, а затем зашла в каменный сарай. В это время Том Эдмондсон сильно занервничал. Он бросил работу и быстрым шагом отправился следом. Через несколько минут Калберт уехал, а супруги о чём-то оживленно и с явным раздражением заспорили.

После этих в высшей степени познавательных показаний Клементс сообщил членам жюри, что по его мнению Томас Эдмонсон отнюдь не погиб, а спрятался и находится где-то неподалёку. Он рассказал о ночном окрике из леса и добавил, что боится за свою жизнь и жизни близких, а потому ему необходимо переехать на постоянное жительство в другое место.

Все эти рассказы следовало признать безусловно очень интересными, но после того, как Клементс закончил давать показания, оставался один важный вопрос, не нашедший ответа: почему у свидетеля внезапно улучшилась память? Двумя сутками ранее он точно также приводился к присяге и клялся говорить одну только правду и если тогда он не лгал, то почему две версии его показаний столь радикально отличались одна от другой? В поисках ответа, автор предлагает читателю самостоятельно поразмыслить на эту тему, но при этом считает необходимым сразу внести кое-какую ясность и уточнить, что несмотря на убедительность Клементса, члены жюри оказались не столь единодушны, как прежде.

После горячих дебатов они пришли к выводу, что единого мнения о картине случившегося на ферме Эдмондсонов у них нет, а потому версию о виновности в случившемся главы семьи они не могут считать наиболее достоверной. В этом смысле субботнее заседание коронного жюри оказалось весьма показательным – оно зафиксировало раскол мнений среди правоохранителей, которые никак не могли договориться относительно того, какой же из гипотез отдать предпочтение. Окружной прокурор и коронер считали Тома Эдмондсона исчадием ада, убившим семью и устроившим чудовищную инсценировку ограбления, а шериф настаивал на том, что исчезнувший фермер является такой же жертвой преступления, что и его ближайшие родственники, с той только разницей, что хитроумный преступник спрятал его тело с целью введения в заблуждение правоохранительных органов и общественности.

Несложно догадаться, что версия о кровавой расправе мужа-ревнивца, убившего неверную жену и прижитых ею в грехе детей, не могла не произвести впечатление на обывателя начала прошлого столетия. Даже при нынешней свободе нравов подобная история цепляет за живое и побуждает к размышлениям о фундаментальных проблемах человеческого бытия: ценности жизни, природе порока, силе любви, границах преданности и тому подобных категориях. Неудивительно, что случившееся в округе Морган мало кого оставляло равнодушным и репортажи о ходе расследования с завидной периодичностью появлялись в газетах, издававшихся в самых отдаленных от Алабамы уголках США.

В период с 26 ноября по 2 декабря 1908 г., т.е. менее чем за неделю, Служба окружного шерифа получила не менее 3-х телеграфных сообщений о том, что Тома Эдмондсона видели в различных частях страны. В одном случае речь шла о восточной части Нью-Йорка, в другом – о городе Бриджпорт в штате Коннектикут, а в третьем – о Декейторе, административном центре округа Монро. Все сообщения проходили надлежащую проверку и людей, принятых

за Эдмондсона, всякий раз удавалось обнаружить. Ни один из них не являлся исчезнувшим фермером.

10 декабря произошли события, которые, как казалось тогда, должны были поставить точку в трагической истории. Началось всё с того, что в зоомагазин некоего Титуса Мёбеса (Т. В. Moebes) в городе Эйрэб (Arab), расположенном в округе Маршалл (Marshall county) на территории Алабамы, явился некий мужчина в возрасте около 35 лет. Городок Эйраб являлся совсем небольшим поселением, там все друг друга знали, но продавщице этот человека был незнаком, что само по себе выглядело довольно странным. Мёбес, владелец магазина и большой фермы, расположенной у границы города, торговал птицами и обученными собаками, которых сам же и дрессировал. Мужчина, явившийся в магазин, хотел купить собаку, годную к охоте на дичь. Продавщица заговорила с потенциальным покупателем, стала расспрашивать его о цели покупки, задавать различные наводящие вопросы и в процессе общения обратила внимание на отличное соответствие его внешности приметам Тома Эдмондсона. Это был блондин ростом около 175 см. со следами фурункулёза на левой щеке и притом немного заикавшийся. Женщина прямо спросила неизвестного, читал ли он о событиях в Вудланд Миллс и что думает о случившемся там?

Мужчина стушевался, быстро закончил разговор и покинул магазин, так и не купив собаки.

Игра случая заключалась в том, что муж продавщицы в школьные годы учился с Томом Эдмондсоном в одном классе. Что тут скажешь, совпадения случаются! Услыхав рассказ супруги о странном поведении покупателя, мужчина стал задавать уточняющие вопросы и понял, что описание внешности неизвестного отлично соответствует Эдмондсону. В общем, супруги направили свои стопы в офис шерифа и рассказали о возникших подозрениях. Через час помощник шерифа округа Маршалл отстучал телеграмму шерифу округа Морган с кратким изложением событий и предложил принять участие в предстоящей облаве. В тот же день в Эйрэб прибыла группа помощников Шиппа, вместе с которой приехали два человека, лично знавшие Тома Эдмондсона.

На территории города и прилегающих к нему фермах вечером 10 декабря и в первой половине следующего дня была проведена масштабная поисковая операция, в результате которой таинственный покупатель собаки был найден. Оказалось, что этот человек не является Томасом Эдмонсоном, хотя некоторые детали его внешности формально неплохо соответствовали приметам пропавшего фермера. То есть, весьма похож, но не он!

Жители Вудланд Миллс, не дожидаясь поддержки властей, принялись собирать премиальный фонд, который следовало направить на выплату человеку, способному помочь в раскрытии преступления. 10 декабря, то есть спустя 2 недели со времени убийства на ферме Эдмондсона, были собраны 350 \$, помещенные на депозит в отделении «First National bank» в городе Хартселл, ближайшем к Вудланд Миллс крупном населенном пункте. Просьба об оказании материальной помощи была направлена Губернатору штата, но в первой декаде декабря результаты рассмотрения этого обращения оставались ещё неизвестны.

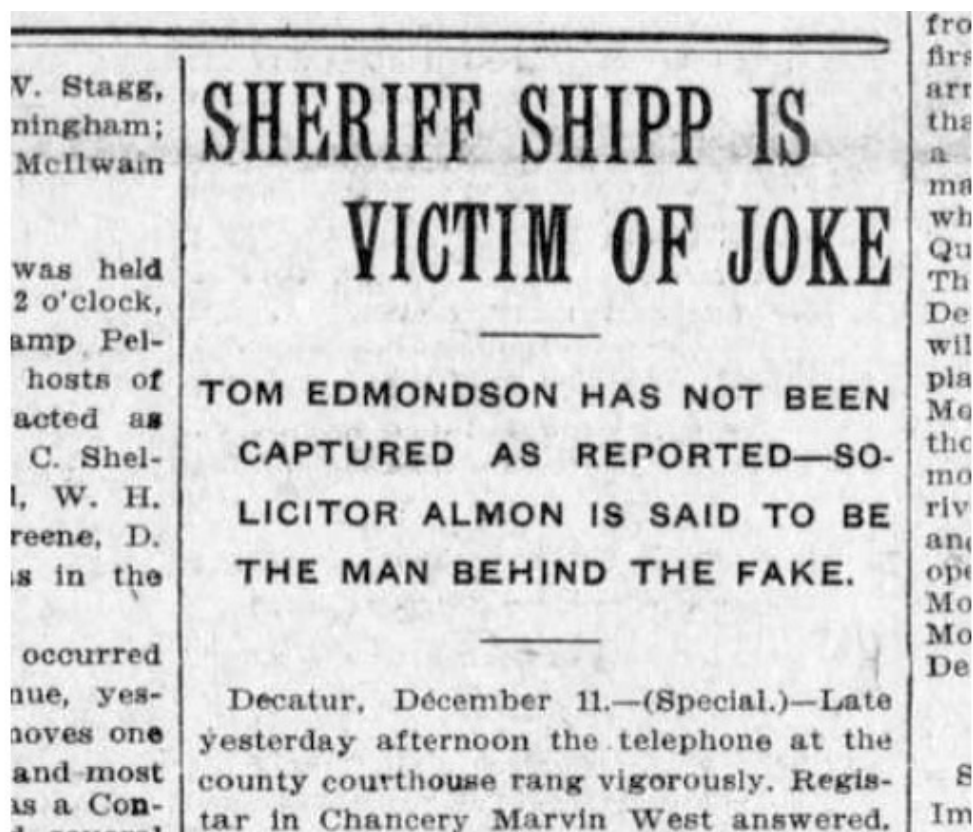
Поздним вечером 11 декабря разыгралась трагикомическая история, заслуживающая того, чтобы мы её здесь упомянули. В офис Службы окружного шерифа в Декейторе, административном центре округа Морган, позвонил некий журналист и сообщил, что Томас Эдмондсон задержан и в настоящее время находится на борту парохода «Паттон», следующего в Декейтор по реке Теннесси. Звонивший спрашивал, будет ли служба шерифа делать официальное заявление по этому поводу и намерен ли шериф Шипп изменить заявленную прежде точку зрения на события, произошедшие в Вудланд Миллс? Поднявший трубку помощник шерифа оказался застигнут врасплох, поскольку в Декейторе никто не знал о задержании разыскиваемого Тома Эдмондсона.

Шериф Шипп немедленно был поставлен в известность о случившемся и помчался к дежурному судье, дабы обсудить детали оформления ордера на арест и особый порядок содержания Эдмондсона в окружной тюрьме. После беседы с судьёй, шериф отправился в закрытый уже магазин скобяных изделий, разбудил владельца и купил новые замки и решётки. В течение нескольких ночных часов два слесаря собрали в окружной тюрьме особую камеру, точнее, клетку, в которой должен был в полной изоляции содержаться арестованный убийца жены и детей.

Пароход «Паттон», курсировавший по реке Теннесси, должен был прибыть в Декейтор (Decatur) в 7 часов утра 12 декабря. К этому часу на пирсе и в его окрестностях уже собралась толпа в несколько сот человек. Присутствовали и репортёры местных газет, все эти дни внимательно следившие за ходом расследования. Для шерифа, прибывшего на пирс в сопровождении всего лишь 6 помощников, такое количество возбужденной публики явилось неприятным сюрпризом. Как назло, пароход не прибыл к назначенному времени... не прибыл он и через полчаса... и через час. Подобные задержки были нетипичны и невольно у всех присутствовавших в головах стали роиться отнюдь не радужные предположения. Толпа у пирса росла, напряжение усиливалось. Минули два часа, а «Паттон» не появлялся! Шериф в те минуты несомненно размышлял над тем, как он станет пробиваться через огромную недружественную толпу, имея в своём распоряжении всего лишь нескольких помощников, и мысли эти вряд ли способствовали его успокоению.

Наконец в 09:30 пароход подошёл к пристани и каково же было удивление всех встречающих, когда выяснилось, что Томас Эдмондсон не сошёл на берег! Удивление ещё более возросло после того, как капитан корабля заявил шерифу, что ему ничего неизвестно о нахождении на борту задержанного! Это не лезло ни в какие ворота...

Шериф Шиппс заподозрил, что он лично и вся его служба стали жертвой жестокого розыгрыша. К полудню в здании окружного суда собрались представители местной власти, обсуждавшие сложившуюся ситуацию и решавшие, как лучше вывести на чистую воду шутника. Поскольку в те времена соединения телефонных абонентов осуществлялись на телефонных узлах вручную, имелась весьма ненулевая вероятность того, что телефонистка запомнила номер абонента, звонившего в офис шерифа около полуночи. В общем, присутствовавшие на совещании приняли решение устроить допрос девушек-телефонисток, но загадка нашла внезапное и неожиданное для всех решение. Слово взял коронер Дэвид Элмон, который с лучезарной улыбкой признался, что звонок шерифу устроил он с целью... пошутить!

Статья в газете от 12 декабря 1908 г. с рассказом о том, как шериф Шипп сделался жертвой весёлого розыгрыша.

Воистину, за такие шутки в зубах бывают промежутки! Мы можем только догадываться, каким усилием воли Шиппс сдержал порыв набить коронеру рожу, но порыв такой должен был быть очень сильным. Своеволие Дэвида Элмона объяснялось, по-видимому, тем, что этот человек принадлежал к высшему алабамскому сословию, члены его семьи на протяжении по крайней мере трёх поколений занимали видные должности в администрациях различных округов и штата. В начале XX столетия Эдвин Элмон, дядя Дэвида, являлся конгрессменом в парламенте штата, затем он сделался окружным судьёй в округе Лодердейл, расположенном по соседству с округом Морган. Понятно, что наличие богатой и влиятельной родни делало Дэвида неуязвимым, такому, как он, могла сойти с рук любая или почти любая глупая выходка.

Вообще-то, история с «шуткой» коронера Элмона весьма выпукло характеризует нравы и общий уровень развития тогдашних американцев, причём не рядовых граждан, а лиц, облеченных властью. Случай, конечно же, вопиющий по своей идиотичности и бессмысленности.

Прошло чуть более недели и Дэвид Элмон вновь привлёк к себе внимание прессы. 21 декабря он собрал журналистов и рассказал о том, что Губернатор Алабамы Брэкстон Комер (Braxton Bragg Comer) выделил на пополнение премиального фонда, предназначенного для выплаты разоблачителю убийцы, 100 \$. Элмон заявил, что считает выделенную сумму совершенно недостаточной и неадекватной тяжести преступления, а посему власти округа Морган не станут принимать эту подачку. Деньги будут возвращены казначейству, а он, Дэвид Элмон, подготовит и направит Губернатору новое письмо, в котором постарается убедить главу региона в необходимости более щедрого финансирования розысков.

Пока руководство округа Морган развлекалось таким вот незатейливым образом, в Вудланд Миллс происходили события в высшей степени интересные и важные.

27 ноября останки членов семьи Эдмондсон, найденные в сгоревших сарае и доме, были преданы земле на территории заброшенной фермы, принадлежавшей отцу пропавшего

без вести Тома. В тот же день семья Роберта Клементса покинула дом на ферме Томаса Эдмондсона и перебралась в дом, предоставленный другим местным фермером – Эдгаром Расселом.

Дом, оставленный Клементсами, некоторое время не привлекал к себе никакого внимания, но в середине декабря на ферме, явившейся местом преступления, появились работники, которым надлежало привести территорию в порядок. Они разгребли пепелище, оставшееся на месте дома Эдмондсонов, полностью очистили от мусора уцелевшую часть каменного сарая и взялись приводить в порядок дом, сдававшийся прежде внаём Клементсам. В камине рабочие обнаружили остатки не полностью сгоревшей одежды – клетчатой рубашки, джинсового комбинезона, старого короткого пальто из грубой шерсти, а также мужского нижнего белья. Некоторые уцелевшие куски ткани оказались обильно запачканы кровью. Понятно, что ко времени появления рабочих кровь уже высохла, но также было ясно, что некогда этой крови было очень много. То есть явно источником крови явился не порезанный палец...

Итак, кто-то пытался сжечь окровавленную одежду в камине. Кроме того, следы крови были найдены в самом доме, хотя впоследствии не все участники тех событий припомнили данную деталь – кто-то из них говорил о крови на полу гостиной, а кто-то – нет. Наконец, то, что крупные пятна крови имелись перед домом и на его стенах снаружи, нотариус Хелмс узнал буквально в первые часы после того, как стало известно о пожаре на ферме, о чём в своём месте было сказано.

Работники, занимавшиеся в декабре уборкой на ферме – а их было не менее 4-х, во всяком случае, имена 4-х нам известны в точности – не озаботились сохранением найденных фрагментов окровавленной одежды. Строго говоря, в их обязанности это не входило, нанявшие их сестра и брат Тома Эдмондсона платили им не за обнаружение и сохранение улики, а за наведение порядка. Тем не менее, люди эти обратили внимание на подозрительные находки, хотя до поры до времени предпочли на эту тему не распространяться.

Сложно сказать, какой оборот приняли бы события далее. Следствие имело двух подозреваемых – Генри Калберта и Роберта Клементса – причастность которых в преступлении выглядела равно недоказуемой. Никаких вещественных улик, способных подкрепить подозрения в адрес того или другого, не имелось и шансы обнаружить таковые таяли с каждым днём. Очень бы помог правоохранителям какой-либо неожиданный свидетель, способный указать пальцем на конкретное лицо и под присягой заявить об опознании, но... откуда же такой свидетель мог появиться?

В январе 1909 г. всем жителям Алабамы наверняка казалось, что расследование так и сойдёт на «нет» безо всяких сюрпризов и драматичных поворотов. Но такой поворот всё-таки произошёл, неожиданный свидетель появился и случилось это именно тогда, когда никто никаких чудес уже не ждал.

Свидетелем оказался человек, не упоминавшийся ранее. Это был 13-летний Гилберт Лакер (Gilbert Luker), семья которого проживала на ферме, удаленной от участка Эдмондсонов почти на 1,2 км. Жена Роберта Клементса являлась родной сестрой его отца Руфуса и, соответственно, его тётей, то есть Роберт Клементс и Гилберт являлись свойственниками. Проще говоря, кровного родства между ними не существовало, но они считались родственниками и мальчик называл Роберта Клементса «дядей». Остаётся добавить, что каждый день Гилберт ходил мимо дома Эдмондсонов в школу и хорошо знал Нетти Эдмондсон, с которой был знаком фактически всю свою недолгую жизнь.

В январе 1909 г. Руфус Лакер (Rufus Luker), отец Гилберта, явился в кабинет шерифа Шиппса и рассказал в высшей степени необычную историю. По его словам, 24 ноября 1908 г., то есть накануне того дня, когда по мнению правоохранительных органов были убиты Лила Эдмондсон и её дети, Гилберта остановил Роберт Клементс и посоветовал утром следующего дня – 25 ноября – не ходить в школу своей обычной дорогой. То есть Гилберту надлежало идти

окружным путём, либо не ходить в школу вовсе. Просьба звучала странно, никогда прежде дядя не обращался к племяннику с подобными заявлениями. Видя недоумение мальчика, Роберт дал ему 20 центов, полагая, видимо, преодолеть этим широким жестом его колебания. Однако проявленная дядей невиданная щедрость лишь усилила подозрения Гилберта. Он задал несколько вопросов, пытаясь понять, что же происходит, и по уклончивым ответам дяди догадался, что кто-то из членов семьи Эдмондсон убит или будет убит. Тогда Гилберт прямо спросил, всё ли в порядке с Нетти? Девочка, по-видимому, нравилась Гилберту и именно её судьбой он обеспокоился в ту минуту. Роберт вздохнул и с сожалением в голосе ответил, что Нетте помочь уже никто не в силах.

Мальчик взял предложенные ему деньги и сделал всё в точности так, как ему велел «дядя» Роберт. Он не знал, что происходило 25 ноября на ферме Эдмондсонов, но поздним вечером того дня там начался пожар, так что преступная подоплёка обращения Боба Клементса стала более чем очевидна. Не зная, как лучше поступить, Гилберт повинулся перед родителями...

Этим, однако, рассказ заявителя не исчерпывался и далее повествование стало только интереснее. Очевидно, не доверяя полностью сыну, Руфус под благовидным предлогом пригласил к себе родную сестру, являвшуюся, напомним, женой Роберта Клементса. Он стал выяснять, что же именно случилось на ферме и женщина после некоторого запирательства призналась, что Роберт был вынужден убить всю семью Эдмондсон и днём 25 ноября занимался уничтожением трупов и подготовкой пожара. Опасаясь, что Гилберт Лакер станет свидетелем того, как он рубит тела, Роберт попытался избавиться от свидетеля, вручив ему накануне 20 центов. Руфус заверил шерифа Шиппа, что при разговоре с сестрой, во время которого та сделала это признание, присутствовала его жена, которая готова полностью подтвердить его рассказ.

Таким образом получалось, что уже в последних числах ноября супруги Лакер узнали о виновности Роберта Клементса в массовом убийстве. Но почему же они ничего не сообщили шерифу, коронеру или окружному прокурору?

Этот вопрос шериф задал своему собеседнику. Ответ оказался обескураживающим как по своему простодушию, так и неприкрытому цинизму. Руфус объяснил Томасу Шиппу, что решил шантажировать Роберта Клементса! Немного нажиться на его тайне, так сказать, по-родственному, келейно... Разумеется, собственную алчность Руфус попытался замаскировать благовидным предлогом, дескать, он не хотел доносить на преступника, поскольку боялся оставить детей Клементса сиротами, а ведь у того детей было аж семеро! Отправят Клементса на виселицу и кто останется с детьми? Родная сестра самого же Руфуса и будет мучиться с таким выводком... подобного жизненного финала врагу не пожелаешь!

Но если Руфус, преисполненный сострадания к родной сестре, решил в ноябре минувшего года не обращаться к правоохранительным органам и целых два месяца держал рот на замке, то почему же он явился к шерифу теперь, в конце января? Руфус, услышав из уст шерифа столь простой и очевидный вопрос, почему-то смутился, замялся... да и признался. Оказалось, что Роберт Клементс поначалу поддался на шантаж – он пообещал свойственнику выплатить кое-какие деньги, однако так ничего и не заплатил. Когда раздраженный Руфус в очередной раз потребовал от него «толику малую», Роберт неожиданно его осадил, пригрозив, что сделает с ним и его семьёй то же, что сделал с Эдмондсонами.

И то сказать, лучший способ избавиться от шантажиста – убить его! Странно, что Руфус Лакер не думал о столь очевидном решении с самого начала.

В общем, бедолага шантажист по-настоящему испугался. Клементс уже забил топором 5-х человек, кто или что может помешать ему повторить этот успешный опыт?

Если кто-то подумал, что шериф Шипп после беседы с доносчиком подпрыгнул в кресле, схватил свою шляпу и побежал к судье оформлять ордер на арест Роберта Клементса, то поспе-

шим внести ясность – ничего такого шериф делать не стал. Вообще же, нельзя не признать того, что шериф Томас Шипп производит впечатление самого адекватного и разумного человека из всего числа героев этой истории. Его первоначальная версия, вызвавшая недоверие прокурора и коронера, оказалась в конечном счёте верна. Шериф хорошо знал людей, населявших вверенный ему округ, и потому рассказ добровольного помощника Руфуса Лакера, по-видимому, сильно ему не понравился.

История Лакера и в самом деле крепко пованивала. Нет, не так – она по-настоящему смердела! Доносчик ссылаясь на сына, таким образом это заявление с чужих слов опиралось на рассказ 13-летнего мальчика, то есть свидетеля несовершеннолетнего, безответственного и ненадёжного. Получалось, что слову мальчика шериф должен верить больше, чем слову взрослого мужчины? Двухмесячная задержка с явкой в службу шерифа, как и объяснение этой задержки попыткой неудачного шантажа, выглядели очень скверно! Должностные лица должны, стало быть, поверить шантажисту и на основании его доноса решать судьбу добропорядочного гражданина? В общем, вся эта ситуация выглядела очень нехорошо и промедление шерифа выглядит понятным и вполне разумным.

Но надо же было такому случиться, что буквально на следующий день после разговора Руфуса Лакера с шерифом Томасом Шиппом, а именно – 29 января 1909 года – произошли события, никак с шерифом не связанные, но прямо повлиявшие на весь последующий ход этой истории.

В тот день в единственном магазине, имевшемся на территории Вудланд Миллс, собралась группа мужчин – как местных жителей, так и не очень местных – объединённых единым чувством: все они считали Боба Клементса замешанным в убийстве семьи Эдмондсон. Некоторые из этих людей побывали на ферме 26 и 27 ноября и лично видели дом Клементса с огромными пятнами крови; кто-то занимался уборкой этого дома и видел остатки окровавленной одежды, найденной в камине; другие слышали, как менялись рассказы Клементса о поведении Лили Эдмондсон и как Роберт впутал в эту историю бедолагу Генри Калберта, который напрочь отрицал все заявления Боба в свой адрес. Сколько именно человек собралось тогда в магазине мы не знаем, но зато нам известно, что их было довольно много – не менее десятка – и впоследствии фамилии некоторых из участников сего знаменательного собрания сделались широко известны.

Так что реальность данного события не может быть поставлена под сомнение. Собрание было посвящено животрепещущему вопросу: как следует делить денежный фонд, собранный для выплаты информатору, способному разоблачить убийцу Эдмондсонов? Претендентов, как видим, получалось довольно много, каждый из участников собрания был готов свидетельствовать против Клементса, а денег, напомним, было собрано всего около 350\$. Губернатор Комер, кстати, средств на поиск убийцы более не выделял, так что напрасно господин Элмон высокомерно отказался от тех ста долларов, что пришли от правительства штата месяцем ранее и были возвращены обратно, как оскорбительно малые крохи. Сами по себе 350\$, может быть, явились бы и неплохой премией, если бы целиком достались одному человеку, но ежели эту сумму «размазывать» по нескольким получателям, то получался сущий вздор.

Обсуждение животрепещущей темы – предстоящего раздела денег – получилось интересным и жарким. Эдвард Лакер, родной брат упомянутого выше Руфуса, заявил, что деньги должны быть целиком отданы Руфусу, поскольку для того решение свидетельствовать против Клементса окажется самым тяжёлым. Эдвард, очевидно, намекал на то, что отцу придётся подтолкнуть сына к очень неприятному испытанию в суде. Кроме того, Руфус являлся свойственником Боба Клементса, хотя данный аргумент мог касаться самых разных людей, в том числе и самого Эдварда, поскольку семья Лакеров была весьма многочисленна.

Предложение «отдать всё Руфусу» очень не понравилось прочим участникам сходки. Эварду Лакеру тут же ответили, что мотив его великодушия всем присутствующим хорошо

понятен – он явно рассчитывает на ответную благодарность родного братишки. Самые хитроумные оппоненты не без ехидства заметили, что Руфус Лакер для сохранения непорочности своего имени вообще не должен брать денег, иначе получится, что он за деньги разрушил жизнь любимой сестры. В общем, свара получилась знатная! Участники её ни до чего не договорились, но эта встреча имела любопытное и неожиданное для её участников продолжение.

Нотариус Джон Хелмс, упоминавшийся нами ранее, во время затянувшихся препирательств незаметно вышел вон и... уехал. Направился он напрямик в Декейтор, административный центр округа Морган, к дежурному судье, где под присягой заявил, что располагает сведениями о виновности Роберта Клементса в убийстве семьи Эдмондсон и готов об этом свидетельствовать под присягой. Судья тут же выписал ордер на арест. Да, в начале XX века в США можно было добиваться ареста и таким вот экстравагантным образом – посредством клятвы заявителя судье.

На следующий день, 30 января, Роберт Клементс был взят под стражу тремя помощниками шерифа – Колеманом Дженнингсом (Coleman Jennings), Гасом Мэем-младшим (Gus May, Jr.) и Джоном Холмсом (J. D. Holmes). Опасаясь того, что арестованного отобьют либо родственники и друзья Клементса, коих было немало, либо противники, конвоиры повезли его в Декейтор кружным путём. К тому моменту, когда люди шерифа въехали в пределы городской черты, население города оказалось поголовно осведомлено о происходившем. Хотя интернета тогда ещё не существовало, «сарафанное радио» успешно его заменяло!

Практически все жители Декейтора высыпали на улицы, дабы собственными глазами посмотреть на четырёх всадников. Среди зевак, разумеется, находились и репортёры, которые поспешили оповестить читателей о том, что окружная прокуратура располагает самыми верными и надёжными доказательствами виновности арестованного в убийстве семьи Эдмондсон. Репортёр, видевший Клементса в день его прибытия в окружную тюрьму, в таких выражениях описал этого человека: «Клементс – весьма невысокий мужчина, весящий от 135 до 140 фунтов (около 63 кг. – прим. А. Ракитина). Он довольно строен и когда говорит, смотрит задающему вопрос прямо в глаза без всякой жестикуляции или дрожи в голосе. Его глаза и волосы иссиня-чёрные, при внимательном взгляде на него понимаешь, что он довольно дик и опасен. Но он не похож на человека, который совершил то кровавое деяние, в котором обвиняется. Потому многие жители Вудланд Миллс считают, что в кровавой работе ему помог ещё один человек, покуда не арестованный»⁷.

А на следующий день газеты разнесли новую сенсационную весть – разоблачающие Роберта Клементса показания дала его супруга!

Сразу внесём ясность, дабы не возвращаться к этому вопросу в дальнейшем: жена Клементса никогда не свидетельствовала против мужа и газетные сообщения от 31 января ошибочны от первого слова до последнего. Интересно то, что эту газетную «утку» повторили в своей книге «Человек из поезда» Билл Джеймс и Рашель МакКарти-Джеймс, что свидетельствует как минимум о неполноте информации, которой оперировали авторы. В угоду своей версии Билл Джеймс и его дочь ставят под сомнение правдивость показаний жены Клементса, что вдвойне смешно: как можно опровергать непрочитанное и в принципе несуществующее? Хотя книга «Человек из поезда» на первый взгляд представляется чтивом довольно занимательным, всё же нельзя не признать, что она является ярким примером того, как неумение авторов работать с исходным материалом – т.е. проверять, фильтровать, анализировать и систематизировать известные данные – способно загубить даже самую интригующую историю.

⁷ Дословно на языке оригинала: «Clements is rather a small man, weighing perhaps about 135 or 140 pounds. He is rather slender and as he talks he looks his questioner squarely in the eye without a movement in his muscles or a tremor in his speech. His eyes and hair are coal black and aside from rather a wild and somewhat of a dangerous look in his keen eyes, he doesn't look like a man who would commit as bloody a deed as that with which he stands accused. Many citizens of the Woodland Mills neighborhood are of the opinion that he was aided in the bloody work by another j man who has not been arrested.»

В общем, жена Клементса ничего опасного для мужа никогда не говорила – это вместо неё сделал сам Роберт. В день ареста он, по-видимому, перепуганный произошедшим, поспешил заявить, будто у него имеется непробиваемое *alibi*, которое гарантированно исключает его из числа подозреваемых. По его словам, 24 ноября, то есть накануне пожара, он уехал из Вудланд Миллс и отсутствовал более суток. Вернулся в свой дом он якобы уже под вечер 25 ноября и ввиду крайней усталости сразу же лёг спать. Произошло это якобы в 6 часов вечера. Он спокойно спал приблизительно до 23 часов, пока его не разбудили всполохи огня горевшего дома Эдмондсона.

Рассказ этот звучал, мягко говоря, странно и совершенно не соответствовал тому, что Роберт утверждал в первые дни после трагедии. Это ведь он рассказывал коронеру и членам его жюри историю покупки Генри Калбертом кабачка у Лили Эдмондсон! И именно он делился откровениями о том, как искренне переживавший измены жены Том Эдмондсон в последний вечер своей жизни пригласил его, Роберта Клементса, вместе покормить скот и поговорить по душам!

Сейчас сложно сказать почему Клементс изменил ранее данные показания. Наверное, с перепугу решил, что ему важнее настаивать на собственном *alibi*. Как бы там ни было, изменением первоначального рассказа он себе ничуть не помог!

И читатель сейчас поймёт почему...

Гилберт Лакер, 13-летний сын Руфуса, несколько раз допрашивался как шерифом, так и окружным прокурором. Не ограничиваясь допросом в кабинете, должностные лица вывозили мальчика на местность и задавали разнообразные уточняющие вопросы. По настоянию защиты Клементса, аналогичный следственный эксперимент был проведен и с участием адвокатов. Гилберт никогда не путался в показаниях и не противоречил себе, при этом он говорил свободно и речь его не казалась заученной. Рассказ мальчика дышал неподдельной правдой и Гилберт в роли обличителя Роберта Клементса был очень убедителен.

По словам мальчика, необходимость расправы над членами семьи Эдмондсон «дядя Роберт» объяснил самообороной. Якобы, он был вынужден защищаться ввиду того, что Эдмондсоны погнались за ним, вооружившись палками и металлическими гребнями, используемыми при бороновании. Причину конфликта Гилберт объяснить не мог, поскольку «дядя Роберт» ничего на этот счёт ему не сказал. Гилберт уточнил, что Клементс заблаговременно сообщил ему о предстоящем пожаре, собственно, подготовкой этого пожара и объяснялось желание Роберта исключить появление Гилберта возле фермы Эдмондсонов в первой половине дня 25 ноября. Именно для того, чтобы Гилберт в тот день пошёл в школу и вернулся из школы другой дорогой, «дядя Роберт» и дал ему 20 центов.

После появления свидетельства Гилберта Лакера, следствие выстроило следующую картину преступления, что нашло отражение в обвинительном заключении, с которым окружная прокуратура вышла в суд. Между Лили Эдмондсон и Робертом Клементсом некоторое время существовали интимные отношения, о чём знал или догадывался Том Эдмондсон. Вероятно муж ревновал жену и рассказ Роберта Клементса о сценах ревности не лишён правдивости, с той, разумеется, поправкой, что Клементс назвал любовником Лили вместо себя Генри Калберта. Как бы там ни было, 24 ноября 1908 г. произошло нечто, что спровоцировало острый конфликт между Робертом Клементсом и Томом Эдмондсоном. Возможно, последний застал жену в объятиях арендатора... возможно, случилось нечто иное однозначно компрометирующее... но конфликт закончился насилием и Томас был убит Робертом, либо тяжело ранен. Схватка произошла перед домом Клементса и следы крови на его фасаде и каминной трубе, которые в последующие дни видели многие свидетели, были оставлены тяжело раненым Томом Эдмондсоном. Можно только гадать, как шуплый Роберт одолел здоровяка Тома, ведь Роберт даже не был ранен, но как-то Клементсу удалось взять верх.

Понимая, что случившееся чревато для него безусловным осуждением в суде, Клементс принял решение уничтожить всю семью. Реализация этого замысла облегчалась тем, что Том Эдмондсон был убит на значительном удалении от собственного дома, и случившееся с ним не видели члены его семьи. Благодаря этому Роберт получил возможность расправиться с ними поодиночке. Первой его жертвой стала любовница, превратившаяся в опасного свидетеля. Лили Эдмондсон, по мнению шерифа Шиппа, была убита в каменном сарае, впоследствии сожженном.

Далее Роберту Клементсу пришлось избавляться от остальных членов семьи.

Мать Тома Эдмондсона была убита возле жилого дома, возможно, Клементс под каким-то благовидным предлогом выманил пожилую женщину на улицу. Расправа произошла в тёмное время суток и поэтому Клементс не заметил серебряных часов и кошелька, выпавших из одежды женщины. 13-летняя дочь, видимо, догадалась о том, что происходит что-то подозрительное и опасное, она спряталась и впоследствии попыталась скрыться бегством. Роберт Клементс погнался за нею и настиг в зарослях осоки у дороги; Нетта, судя по всему, рассчитывала выбежать на дорогу и привлечь внимание проезжающих. Убийство младшего из детей, мальчика в возрасте 2 года, очевидно, не доставило Клементсу особых проблем.

В общем, вечером 24 ноября преступник оказался в весьма непростой ситуации – в разных частях фермы Эдмондсонов находились 5 трупов, от которых необходимо было как-то избавиться. По здравому размышлению преступник решил заняться этим на следующий день. Для того, чтобы обеспечить себе достаточно времени для надлежащей «зачистки», Клементс перехватил Гилберта Лакера и, дав мальчику 20 центов, убедил того не ходить утром 25 ноября мимо фермы Эдмондсонов.

Весь следующий день Роберт Клементс посвятил уничтожению следов и приданию месту преступления того вида, который должен был убедить правоохранительные органы в том, что виновником содеянного является Томас Эдмондсон. С этой целью убийца не только расчленил тела Тома и его матери, но и удалил их с фермы. Возможно, он закопал их в лесу, либо разбросал фрагменты на большой площади, либо утопил в одном из многочисленных водоёмов – в общем, он полностью избавился от трупов, гарантировав себя от риска их случайного обнаружения на ферме. Тела Тома и матери были разрублены на большое количество фрагментов – на это указывали многочисленные осколки костей, зубы и кусочки плоти, собранные нотариусом Хелмсом возле сожжённого сарая.

Затем Роберт Клементс взялся за уничтожение тела Нетти Эдмондсон, но затем почему-то переменял намерение. Отрубив несколько крупных фрагментов – части головы, руки и ноги – он отнёс тело в сарай, где уложил его в помещении для просушки семян. Туда же убийца положил труп маленького мальчика, который вообще не стал расчленять. Очевидно, Клементс пребывал в уверенности, что мешочки с семенами хлопка будут гореть очень хорошо и огонь уничтожит тела детей без остатка.

Тело Лили Эдмондсон преступник, напротив, перенёс из сарая в жилой дом.

Все эти действия потребовали от преступника большого напряжения сил и значительной траты времени. Лишь к вечеру 25 ноября он закончил свои приготовления к поджогу, но решил повременить с разведением огня, рассчитывая, что поджигать строения лучше глубокой ночью. Возможно, преступнику потребовалось некоторое время на восстановление сил и он действительно лёг спать в 6 часов вечера, чтобы отдохнуть и через 5 часов перейти к реализации заключительного этапа своего плана.

Около 23 часов Клементс поджёг дом и каменный сарай Эдмондсонов. Для него явно оказалось неприятным сюрпризом то, что огонь заметили почти сразу же. С интервалом в несколько минут пожарные колокола зазвонили с разных сторон и Клементс понял, что пламя, ещё не разгоревшееся толком, может быть потушено сбежавшими соседями. Этого

преступник допустить не мог, ведь в случае спасения построек от огня вся задуманная им инсталляция рушилась!

Чтобы не допустить тушения огня соседями Роберт Клементс решил отвлечь прибежавших первыми на пожар фермеров. Джону Гриеру и Джону Данну он сказал, что семью Эдмондсон следует искать в лесу, поскольку именно там они прячутся от огня. А когда другой фермер, Уилльям Стрингер, захотел осмотреть заросли осоки у дороги, Клементс остановил его и раздраженно закричал, что следует заняться делом и искать в лесу, а не тратить время на прогулки у дороги. Поскольку Стрингер колебался, Клементс многозначительно заявил, что кусты эти осмотрены уже дважды, что истине не соответствовало. Лишь спустя много часов Уилльям понял, что Клементс его обманул, хотя последний всегда отрицал этот факт и настаивал на том, что вообще не разговаривал со Стрингером об осмотре зарослей осоки. Немаловажно и то, что Клементс, раздававший команды направо и налево, занимался совсем не тем, чего требовал от других – он спасал собственный скот и вынес из горевшего сарая кое-какие припасы. И при этом он умудрился не заметить в сарае детских трупов...

Айзек Тёрни, прибежавший на пожар спустя примерно четверть часа после появления пламени, был первым, кто поставил под сомнение правильность команд Роберта Клементса. Но к тому времени пламя распространилось уже довольно сильно и дым полностью заполнил дом. Желających входить внутрь и с риском для жизни осматривать комнаты не нашлось...

Можно было считать, что замысел убийцы в целом удался, но карты ему спутало появление утром следующего дня нотариуса Хелмса. Тот, будучи человеком дотошным и юридически грамотным, обратил внимание на большие пятна крови как перед домом, так и на самом доме Клементса. Последний, по-видимому, либо не успел их как следует скрыть, либо попросту упустил из вида необходимость это сделать. Вполне возможно, что он даже не подумал о том, что кто-то станет осматривать постройки на таком удалении от места распространения огня. Расспросы Хелмса о происхождении крови застали Клементса врасплох – именно по этой причине он весьма неудачно объяснил их появление ранением свиньи. Это была отговорка, не очень убедительная в устах сельского жителя, на что в своём месте было обращено внимание читателей.

По версии шерифа дальнейшие события лишь усилили беспокойство Клементса. Первое заседание коронерского жюри приняло решение, как нельзя лучше соответствовавшее плану убийцы, а именно – жюри констатировало факт убийства Лили Эдмондсон и детей и объявило главным подозреваемым её исчезнувшего мужа Тома. Однако далее события приняли нежелательный для преступника поворот. Он узнал, что шериф считает Тома и его мать также убитыми и настаивает на повторе заседания жюри.

Опасаясь пересмотра первоначального вердикта, Роберт Клементс радикально изменил свои показания. Теперь он заговорил о том, что Лили Эдмондсон была неверна мужу и тот её ревновал. В рассказе Клементса появились детали, связанные с супружескими скандалами и даже рукоприкладством Тома. Клементс не только сообщил членам жюри имя и фамилию предполагаемого любовника убитой женщины, но даже уточнил, будто тот появлялся на ферме за несколько часов до пожара. И более того, Том якобы так был расстроен появлением этого человека, что с горя позвал Клементса переговорить с глазу на глаз, дабы излить душу. За несколько часов до своей смерти Томас Эдмондсон якобы кормил вместе с Робертом домашний скот и делился душевными скорбями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.